ОТЪ ВАРШАВЫ

ДО

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ЗАПИСКИ ГВАРДЕЙСКАГО ГУСАРА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ

Пьера Лоти.

Не является ли сама жизнь главною, незамѣнимою данною для литературнаго труда, которой всѣ остальныя не могутъ даже подражать.

Мельхіоръ-де-Вогюе.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Ю. Елецъ.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА.
1893.

ОТЪ ВАРШАВЫ

ДО

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ЗАПИСКИ ГВАРДЕЙСКАГО ГУСАРА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ

Пьера Лоти.

Не является ли сама жизнь главною, незамѣнимою данною для литературнаго труда, которой всѣ остальныя не могутъ даже подражать.

Мельхіоръ-де-Вогюе.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Ю. Елецъ

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА.
1893.

Дозволено цензурою, г. Варшава, 11-го Января 1893 года.

Гос. ...ка
Инв. 296689
... 1.3 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ за границей появились записки прусскаго офицера на русской службѣ въ войну 1877 и 1878 годовъ. Тяжело было каждому Русскому читать эту книгу, написанную хотя и иностранцемъ, но гостепріимно принятымъ въ ряды Русской Гвардіи, носившимъ мундиръ одного изъ доблестныхъ ея полковъ и отплатившимъ за то рядомъ инсинуацій объ участникахъ этой побѣдоносной войны, описанной языкомъ наемника, окончившаго срокъ вербовки. Поэтому особенно пріятно было привѣтствовать появленіе записокъ участника той же компаніи, составленныхъ хотя и во время самаго похода, но только въ началѣ этого года вышедшихъ въ свѣтъ въ Парижѣ и являющихъ рѣзкій контрастъ съ вышеприведенными. Его Импе-

раторское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ соизволилъ разрѣшить посвященіе этого труда Его Высокому имени. Вполнѣ сочувствуя, въ виду всего вышеупомянутаго, идеѣ автора издать эту книгу на языкѣ общеевропейскомъ, мы рѣшились изложить ее родной рѣчью, какъ правдивый и безпристрастный разсказъ участника нашего послѣдняго крестоваго похода.

Ю. Елецъ.

г. ВАРШАВА.

1-го Января 1893 года.

КЪ АВТОРУ.

Вы просили нѣсколько строкъ предисловія къ Вашей книгѣ, не подозрѣвая конечно, что она касается событій нѣкогда для меня очень горестныхъ.

Въ началѣ этой большой восточной войны, о которой вы повѣствуете, я покинулъ Константинополь, оставаясь такъ преданнымъ этой странѣ, что съ безпокойствомъ изгнанника оттомана слѣдилъ издалека за всѣми Вашими сраженіями.

Впослѣдствіи, связанный сердечными воспоминаніями съ народомъ турецкимъ, я выучился братски любить благородную Русскую націю и, говоря совсѣмъ безпристрастно, горжусь связать свое имя съ этимъ живымъ разсказомъ о войнѣ, въ которой двѣ враждебныя арміи выказали столько героизма, почему поз-

вольте мнѣ прежде всего привѣтствовать въ Васъ то рыцарское отношеніе къ Вашимъ храбрымъ врагамъ, которое Вы къ нимъ вездѣ проявляете. Эпиграфъ изъ нѣсколькихъ строкъ г. Мельхіора-де-Вогюе замѣчательно подходитъ къ Вашей книгѣ, представляя ее публикѣ лучше, чѣмъ все, что бы я могъ сказать. Дѣйствительно Вы описали Вашу жизнь изо дня въ день, среди страшныхъ лишеній и притомъ совершенно искренно: читая Вашу книгу, несомнѣнно убѣждаешься въ ея правдивости, что составляетъ рѣдкое качество, съ которымъ другія не и могутъ сравниться.

Повѣрьте мнѣ: читатель, разъ открывши ее, прочтетъ до конца, какъ живую и интересную страницу исторіи.

Пьеръ Лоти.

Испанія. Вилла Гендей.
16 Іюля 1892 года.

ГЛАВА I.

На походѣ.

Брестъ-Литовскъ.
10 Августа 1877 года.

Только что въ страшную жару добрались мы до Бреста, и я пишу вамъ, сидя на платформѣ, въ то время когда гусары выводятъ коней изъ вагоновъ. Сегодня-же вечеромъ мы двинемся дальше, въ Жмеринкѣ распростимся съ желѣзной дорогой и пойдемъ оттуда походомъ къ Румынской границѣ и черезъ Скуляны далѣе на Букарестъ къ Дунаю.

У насъ въ полку пять вольноопредѣляющихся; двое изъ нихъ зачислились наканунѣ выступленія изъ Варшавы: одинъ велѣдствіе увѣщаній духовника идти драться противъ невѣрныхъ, другой взялъ на себя роль Петра

пустынника, думая этимъ вылѣчиться отъ несчастной любви, но съ первыхъ-же дней похода его неистощимая веселость заставила насъ немного усомниться въ глубинѣ его чувства.

Утромъ въ день нашего выступленія изъ Варшавы на полковомъ плацу былъ отслуженъ молебенъ, и, когда тронулся первый эскадронъ со штандартомъ, имѣя во главѣ командующаго полкомъ Принца Саксенъ Альтенбургскаго, многочисленная толпа обнажила головы, на многихъ лицахъ видны были слезы; на вокзалѣ въ свою очередь насъ ожидала масса публики и встрѣтила шампанскимъ и цвѣтами; посторонніе съ чувствомъ жали намъ руки. Не одна любовь только обладаетъ привилегіею безконечныхъ объятій и тоскливыхъ прощаній, патріотизмъ также вызываетъ ихъ, оставляя неизгладимыя впечатлѣнія!

Станиславчикъ.

12 Августа.

Я сижу за кривымъ столомъ въ одной изъ лачугъ маленькой деревни Станиславчикъ, такъ

какъ миріады насѣкомыхъ не даютъ возможности заснуть и изнемогаю отъ усталости послѣ трехсуточнаго сидѣнья въ вагонѣ и двадцати верстъ на рысяхъ подъ проливнымъ дождемъ. Хотя наши лошади съ трудомъ размѣстились въ тѣсныхъ стойлахъ и хлѣвахъ, но, строго говоря, онѣ лучше помѣщаются, чѣмъ люди. За то до Жмеринки мы очень пріятно провели время, благодаря милому обществу провожавшей насъ красивой полковой дамы, только что передъ походомъ вышедшей замужъ, въ честь которой въ вагонѣ-салонѣ состоялся импровизированный раутъ.

Я забылъ вамъ сказать, что мы надѣли кителя и бѣлыя фуражки, чтобы безнаказаннѣе переносить палящіе солнечные лучи, и только по малиновымъ чакчирамъ можно узнать доблестныхъ Гродненцовъ, иначе насъ легко было бы принять за поваровъ. Принцъ разрѣшилъ намъ обѣдать съ офицерами, курить въ его присутствіи и не носить галстуховъ. Нужно-ли прибавлять, что этимъ онъ быстро завоевалъ наши сердца.

Сегодня мы встрѣтили первый поѣздъ раненыхъ: многіе изъ этихъ несчастныхъ были страшно изувѣчены, но всѣ покорны судьбѣ. Я тоже ей покоряюсь, что бы со мной ни сталось, на столько любовь и симпатія, мнѣ выказываемыя, хорошо настраиваютъ и придаютъ силъ.

Завтра мы двигаемся на Могилевъ и Скуляны, гдѣ должна сосредоточиться вся гвардейская кавалерія для дальнѣйшаго пути.

Скуляны.

Воскресенье, 21 Августа.

Въ то время какъ мои товарищи представляются Генералу Гурко, принявшему начальство надъ Гвардіею, я наслаждаюсь отдыхомъ, купленнымъ дорогою цѣной безсонной ночи подъ открытымъ небомъ.

Благодаря лихорадкѣ я могъ воспользоваться походной кроватью и въ первый разъ послѣ выступленія не спалъ на голой землѣ, но не думайте, что хорошее настроеніе духа меня покинуло, ничто не могло его омрачить: ни длинные переходы подъ палящемъ солнцемъ,

отъ которыхъ я, къ счастью, только загорѣлъ, тогда какъ у многихъ потрескалась кожа, ни ужасная пыль отъ шестисотъ лошадей, двигающихся вмѣстѣ цѣлыми днями, ни жажда, мучившая насъ.....

Выступивъ изъ Станиславчика, мы, послѣ короткаго перехода, вступили въ Шаргородъ, маленькое еврейское мѣстечко невѣроятной чистоты.

Отыскавъ съ Лубенскимъ удобную комнату, я, весь разбитый отъ усталости, какъ снопъ, повалился на полъ и заснулъ, какъ былъ, въ аммуниціи. Когда я открылъ глаза, вся комната была наполнена товарищами, которые, розыскавъ у какого-то жида шампанскаго, завладѣли имъ, разумѣется щедро расплатившись. Вино и холодное мясо, добытое Лубенскимъ, такъ меня подкрѣпили, что я уже больше не ложился. Въ шесть часовъ утра, выкупавшись въ рѣчкѣ, пересѣкающей Шаргородъ, я усѣлся на лошадь бодръ и свѣжъ.

Тутъ начался утомительный переходъ по тяжелому, но чрезвычайно живописному пути. Дорогою насъ обогнали Лейбъ-Гусары Его Ве-

личества, и ихъ желтые съ краснымъ флюгера весело ласкали глазъ; наши малиновые съ зеленымъ менѣе ярки, но также красиво развѣваются въ воздухѣ. „Oneques ne vit tant de braves et honnestes cavaliers, plus dispos et prêts à courir sus à leurs ennemis“. *)

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Могилева мы остановились въ мѣстечкѣ, гдѣ жители нанесли арбузовъ, съ жадностью нами уничтоженныхъ. Какая то старушка сообщила мнѣ, что помнитъ, когда еще была молода, много войскъ шло черезъ мѣстечко.

Сколько лѣтъ тому назадъ? спросилъ я.

— Много, много, батюшка, отвѣчала та.

Я догадался, что она говорила объ походѣ Дибича 1829 г., т. е. почти 50 лѣтъ тому назадъ.

Въ Могилевъ полкъ вступилъ съ музыкой между двойными рядами любопытныхъ; я съ товарищами раздобылъ номеръ въ лучшей гостинницѣ, но къ несчастью совершенно пустой, безъ кроватей, столовъ; сломанный стулъ составлялъ всю мебель. Послѣ долгаго ожиданія

*) „Premiére Croisade.“

оборванный лакей, съ важнымъ видомъ, внесъ полуразбитый рукомойникъ; умывшись и побрившись, мы приготовились торжественно войти въ столовую, но въ дверяхъ весь апломбъ нашъ пропалъ при видѣ множества офицеровъ разныхъ родовъ оружія, и мы, скромно усѣвшись въ уголку, принялись за обѣдъ подъ звуки музыки, произведшей на насъ впечатлѣніе опернаго оркестра.

На другой день Графъ Лубенскій, ухитрявшійся всюду розыскивать родственниковъ, устроилъ намъ приглашеніе на обѣдъ къ одному изъ нихъ, жившему въ 10 верстахъ отъ Могилева; за нами пріѣхали двѣ тройки, и скоро я прогуливался по виноградникамъ, срывая поспѣвшія ягоды. Обѣдъ продолжался часа четыре, послѣ чего нашъ амфитріонъ пригласилъ всѣхъ осмотрѣть паркъ и замокъ, который полтора вѣка тому назадъ былъ взятъ приступомъ турками, и въ подземныхъ ходахъ его погибло съ дюжину сыновъ ислама; мы съ любопытствомъ осмотрѣли эти катакомбы, и кто то замѣтилъ, что для насъ въ настоящую минуту было-бы выгоднѣе, если-бы тамъ осталось по-

больше турокъ. Только поздно вечеромъ мы распростились съ нашимъ любезнымъ хозяиномъ, приглашавшимъ посѣтить его въ лучшія времена. Дай-то Богъ!

Возвратясь въ Могилевъ, мы отправились въ городской садъ, роскошно иллюминованный, и застали тамъ балъ въ самомъ разгарѣ: играли трубачи, и наши блестящіе мундиры видимо производили впечатлѣніе на прекрасныхъ Могилянокъ. На другой день, въ 6 часовъ утра, переправившись черезъ Днѣстръ на паромахъ, мы вступили въ Бессарабію и въ теченіе 4-хъ дней не встрѣтили ни деревца: палящее солнце жгло насъ съ утра до вечера и, казалось, силилось обратить въ пепелъ тощіе телеграфные столбы.

Ночь полкъ провелъ въ еврейской деревушкѣ; женщины здѣсь замѣчательно красивы и съ правильными чертами, напоминающими типы Корреджіо, онѣ обертываютъ головы платками въ родѣ турецкой чалмы. Съ пятницы мы въ Скулянахъ, маленькой, бѣдной деревнѣ въ одну улицу, но съ прекраснымъ рестораномъ, глава котораго любезно насъ принимаетъ, загребаетъ

наши деньги и, подъ предлогомъ румынской кухни, преподноситъ намъ, подъ разными соусами, только плохую говядину.

Скуляны.

Понедѣльникъ, 22 Августа.

Я чувствую себя отлично; мы, съ моимъ другомъ Комеровскимъ, пошли купаться въ Прутъ и переплыли его вблизи знаменитаго Петровскаго сидѣнья въ 1711 году; такимъ образомъ я, безъ паспорта, побывалъ заграницей. Ясеы отъ насъ только въ двадцати верстахъ, говорятъ хорошенькій городокъ, но со страшной дороговизной. Жиды и Румыны дали себѣ слово содрать съ насъ шкуру. Въ Могилевѣ за хлѣбъ и самоваръ, т. е. за горячую воду, намъ подали счетъ въ 10 рублей: по два рубля съ персоны; я вытащилъ изъ сапога нагайку и такъ отлупилъ нахала буфетчика, что ему вѣроятно навсегда будетъ памятенъ приходъ Гродненскихъ гусаръ. Вообще нагайка—здѣсь лучшее средство пріобрѣсти вниманіе, и плачевное состояніе, въ которомъ находится моя, въ полной мѣрѣ указываетъ

на степень уваженія, которое я успѣлъ къ себѣ внушить.

Завтра во вторникъ двигаемся въ Яссы, все также походомъ. До сихъ поръ намъ разрѣшено было, кромѣ чемодана на троихъ, въ обозѣ имѣть еще каждому по одному на сѣдлѣ, но только что получено приказаніе оставить все сзади, имѣя съ собой лишь самое необходимое. Такимъ образомъ мы становимся все болѣе и болѣе легкой кавалеріей.

Яссы.

23 Августа.

Стоимъ здѣсь уже два дня; на границѣ генералъ Гурко пропустилъ мимо себя полкъ, и здѣсь мы увидѣли первый румынскій постъ. У солдатъ отличная выправка и дисциплина; при встрѣчѣ съ начальникомъ они прикладываютъ руку къ козырьку, растопыривая всѣ пять пальцевъ, но успокойтесь, они не показываютъ вамъ носъ, а только отдаютъ честь.

Далѣе мы встрѣтили фантастически одѣтыхъ пастуховъ, напоминавшихъ времена Гомера; драпированные въ живописныя лохмотья, они

пасли безчисленныя стада овецъ съ важностью корпусныхъ командировъ.

Ямбы симпатичный, но плохо отстроенный городокъ. Мы обѣдаемъ въ ресторанѣ, содержимомъ нѣмцемъ, шутка сказать, докторомъ философіи, и привѣтствуемъ громкимъ „ура“, исполняемый въ нашу честь національный гимнъ.

Генералу Гурко приписываютъ планъ перейти Балканы и двинуться съ одной гвардейской кавалеріей къ Адріанополю. Съ такимъ начальникомъ всюду весело идти, даже на тотъ свѣтъ.

Насъ конечно значительно больше, чѣмъ было спартанцевъ у Леонида, но кто можетъ поручиться, что въ одинъ прекрасный день намъ не придется просить прохожаго извѣстить Россію, что мы всѣ полегли, вѣрные законамъ своего отечества. Возможно, что мы перейдемъ Дунай только черезъ недѣлю, а пока будемъ набираться силъ и мечтать; впрочемъ, къ чему грезы, когда одно уже наше присутствіе здѣсь,—какой-то удивительный волшебный сонъ!

Бырладъ.

28 Августа.

Покинувъ Яссы, мы двинулись черезъ Кодоешти и Васлуй въ Кицканы, гдѣ и находимся со вчерашняго дня.

Полушубокъ, присланный вами, очень мнѣ пригодился, такъ какъ по ночамъ было довольно холодно. Здѣсь я остановился въ Европейской гостинницѣ, гдѣ нѣмцы хозяева ободрали меня не хуже, чѣмъ любую гусарскую лошадь, павшую на походѣ отъ Варшавы до Бухареста.

Здѣсь я долженъ былъ прервать мое письмо такъ какъ въ комнату влетѣлъ какой-то снарядъ, но успокойтесь, это не граната, а персикъ, расплющившійся на бумагѣ, которымъ кто то изъ товарищей запустилъ мнѣ въ голову. У юности и дружбы всегда останутся свои права, и я всегда признаю ихъ, даже и тогда, когда они совсѣмъ несвоевременны.

У насъ въ эскадронѣ большая непріятность: нашъ командиръ становится все угрюмѣе и вспыльчивѣй. Мнѣ кажется онъ боленъ, но какъ назвать болѣзнь съ такими исключитель-

ными симптомами: общее недомоганіе, безпокойство, ежеминутный гнѣвъ и проклятія на голову всѣхъ и каждаго.

Какъ то на походѣ я уронилъ бинокль и, боясь, чтобы его не раздавили, остановилъ ѣхавшаго сзади гусара.

„Какъ вы смѣете задерживать людей!“ закричалъ на меня взбѣшенный командиръ, заставивъ слѣзть за наказаніе и вести коня въ поводу.

— Нѣтъ худа безъ добра, по крайней мѣрѣ лошадь отдохнетъ, утѣшалъ я себя, волочась по грязи. Какъ видите мое настроеніе еще держится!

Бухарестъ.

3 Сентября.

Наконецъ то я могъ послать вамъ сегодня первую телеграмму съ похода, и послѣдній разъ пишу къ вамъ передъ переходомъ черезъ Дунай. Я все еще нахожусь подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ полученныхъ изъ Россіи и Франціи писемъ; очень радъ былъ узнать, что всѣ наши здоровы и вспоминаютъ обо мнѣ.

Какая счастливая мысль пришла вамъ прислать мнѣ карту Европы, на носовомъ платкѣ. Надо ли вамъ говорить, что я сегодня же утромъ высморкался.... въ .... Турцію!

Изъ Бырлада мы выступили 20 Августа въ Текучь, гдѣ участвовали 30-го на парадѣ подъ проливнымъ дождемъ; къ концу церемоніи, какъ лучъ надежды, на мгновеніе блеснуло солнце. Вслѣдъ за тѣмъ мы перешли рѣку Серетъ по прекрасному желѣзному мосту и прибыли въ Фокшаны. Все населеніе города высыпало къ намъ на встрѣчу съ залитыми золотомъ всадниками во главѣ. Префектъ, длинный и худой, галопировалъ на толстомъ, маленькомъ пони, въ то время, какъ подъ грузнымъ мэромъ едва двигалась поразительной худобы кляча; за ними скакала ихъ свита съ развѣвавшимися по воздуху султанами.

Вечеръ выдался чудный; мы обѣдали въ Hotêl de S. Petersbourg, при чемъ пили за здоровье Государя, нашихъ родныхъ и за будущіе подвиги. Въ Румыніи ѣдятъ плохо, но за то всегда съ музыкой, и, если обѣденныя меню не отличаются разнообразіемъ, за то програм-

мы обѣденныхъ концертовъ представляютъ собой настоящій музыкальный винигредъ: „По улицѣ мостовой“, „Misèrere“ изъ Троватора, славянскія мелодіи, аріи изъ M-me Angot и въ заключеніе вѣчный: „Ich bin der kleine postillon“, который вновь прибывающіе иностранцы легко могутъ принять за національный гимнъ, такъ имъ всюду и каждую минуту жужжатъ въ уши.

Вечеромъ мы зашли въ городской клубъ, гдѣ изъ газетъ узнали о смерти Тьера. Новость эта произвела на меня сильное впечатлѣніе.

Изъ Фокшанъ, гдѣ 100 лѣтъ тому назадъ великій Суворовъ разбилъ турокъ, мы направились къ Рымнику, откуда онъ ихъ обратилъ въ полное бѣгство, и прошли мимо памятника, воздвигнутаго въ память утонувшаго здѣсь сына его, на самой серединѣ рѣки, которая не шире нашей Двины и не глубже.... стакана чая.

Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Румыніи, дорогою намъ служитъ широкое, отлично содержанное шоссе, двигаясь по которому мы до-

стигли Бузео. Здѣсь на горизонтѣ открылась длинная цѣпь горъ, по моему мнѣнію отроги Трансильванскихъ Карпатовъ. Нашему ротмистру, который все время дремлетъ въ сѣдлѣ, все кажется, что это Балканы, а гусары наивно спрашиваютъ, не тамъ ли прячется „окаянный турка“.

Въ Бузео мы скверно пообѣдали съ неизбѣжной аріей изъ „Почтальона“ и только въ полночь получили страстно желанное разрѣшеніе поѣхать съ утреннимъ пяти-часовымъ поѣздомъ въ Бухарестъ.

Здѣсь мы произвели сильное впечатлѣніе, такъ какъ гвардіи еще до насъ не было. Румыны удивлялись, что не всѣ солдаты говорятъ, какъ я, по-французски и по-нѣмецки, и что интендантство закупаетъ черный хлѣбъ и простую говядину для Императорской гвардіи. Что касается меня, я страшно гордъ тѣмъ, что блещу съ головы до ногъ, отъ фуражки до лаковыхъ ботиковъ, и думаю сдѣлаться чуть не Болгарскимъ принцемъ. Но съ переходомъ черезъ Дунай прощай величіе, блескъ и элегантность. Развѣ только грязь украситъ

своимъ мрачнымъ узоромъ наши оборванные долманы.

Знакомый мой по Парижу, Румынъ M-eur Halfon, повезъ меня кататься; мы встрѣтили князя Горчакова.

Кстати о канцлерѣ. Надо вамъ сказать, что одинъ изъ моихъ товарищей, дальній племянникъ князя, во все время похода только и дѣлалъ, что перечислялъ выгоды и престижъ такого высокаго родства.

Какъ то вечеромъ, страшно уставшій, промокшій, съ безсонною ночью въ перспективѣ, я сталъ критиковать воинственную политику высокопоставленнаго дяди. Мой пріятель такъ разсердился, что едва не дошло до дуэли, и мнѣ стоило большого труда успокоить его, доказывая, что государственный дѣятель—общее достояніе. Тѣмъ не менѣе онъ долго на меня злился и только сегодня вечеромъ явился съ гордостью разсказать, что дядя его страшно любезно принялъ и поздравлялъ съ участіемъ въ борьбѣ за правое дѣло.

„Только что я хотѣлъ уйти, добавилъ онъ, принесли депешу. Дядя прочиталъ и, глубоко

2
Гос. Истор. Муз. Б-ка
Инвент. №
193 г.

вздохнувъ, обратился ко мнѣ со словами: „Охъ ужъ этотъ Биконсфильдъ, сколько хлопотъ онъ мнѣ надѣлалъ!“

Я расхохотался и потащилъ неожиданнаго напереснка государственнаго канцлера въ café concert, гдѣ мы усѣлись позади двухъ Француженокъ, говорившихъ объ ужасахъ Плевны. „Представь себѣ, ma chère, щебетала одна, редуты въ 10 метровъ, до верху заваленные убитыми и ранеными съ текущими по нимъ ручьями крови!“.....

Прослушавъ нѣсколько пѣвицъ, исполнявшихъ болѣе или менѣе цензурные куплеты, мы вернулись къ себѣ, припѣвая главный мотивъ музыкальнаго вечера: „Marthe avait un oeil poché.

Однако уже шесть часовъ утра, и я откладываю окончаніе письма до вечера, такъ какъ долженъ ѣхать на встрѣчу Комеровскому, величественная осанка котораго навѣрное обворожитъ всѣхъ прекрасныхъ Румынокъ.

Воскресенье, утро.

Великанъ прибылъ и сразу внушилъ такое почтеніе горожанамъ, что въ одномъ магазинѣ

его величали генераломъ, въ другомъ его превосходительствомъ, а, когда онъ, осмотрѣвшись на бульварѣ и убѣдившись, что нѣтъ офицеровъ, вдѣлъ въ глазъ монокль, эффектъ былъ настолько полонъ, что двѣ дамы явились въ гостиницу справляться, какъ его фамилія!

Но, увы, нашъ отпускъ уже конченъ, и сегодня же вечеромъ мы должны присоединиться къ полку въ Плоэшти.

Дурныя новости: Плевна вызываетъ серьозныя опасенія, мы тамъ теряемъ пропасть людей. Румынскій маіоръ, вернувшійся сюда по болѣзни, описывалъ Болгарію, какъ рядъ равнинъ, покрытыхъ богатыми и тучными нивами. „Среди этихъ равнинъ то тамъ, то сямъ высятся утесы и холмы, за которыми и засѣли турки, очень свѣдущіе въ фортификаціи; пустякъ послужитъ имъ закрытіемъ: они спрячутся за палкой, скроются за вѣткой и, если нужно, влѣзутъ въ крысью норку!

Наши враги, продолжалъ краснорѣчивый маіоръ, не жалѣютъ пороха и открываютъ пальбу взводами, лишь только замѣтятъ хоть одного человѣка; но въ то же время они де-

рутся до послѣдней крайности, умирая еще стрѣляютъ, и мертвые даже бьютъ васъ штыкомъ!“

И такъ война становится все ожесточеннѣе, но, что бы намъ ни угрожало, мы твердо все перенесемъ!

Бухарестъ.

6. Сентября.

Съѣздивъ въ Плоэшти, я вернулся сюда закупить провизіи для эскадрона. Прячась за окномъ столовой отеля, служившей мнѣ спальней, я жду полкъ, который долженъ сейчасъ пройти. На улицѣ торчитъ толпа ротозѣевъ.

Вотъ онъ, наконецъ! Герцогъ Саксонскій (онъ же Принцъ Альтенбургскій), какъ всегда красивъ и элегантенъ, ѣдетъ впереди: за нимъ медленно, съ мрачнымъ видомъ подвигается мой грозный командиръ. Наши гусары—совсѣмъ молодцами. Усталости и слѣдовъ не осталось. Бѣлые шнуры красиво оттѣняются зелеными доломанами. Лошади идутъ ланцадами, только моя, въ поводу у гусара, какъ

будто сожалѣетъ о всадникѣ. Въ жилахъ у ней течетъ отчасти британская кровь, почему я иногда и обращаюсь къ ней съ англійскими фразами, что приводитъ въ отчаяніе моего вѣстоваго, утверждающаго, что грѣшно съ православнымъ конемъ по нѣмецки говорить!

ГЛАВА II.

На бивакахъ въ Болгаріи.

Бивакъ въ трехъ верстахъ
отъ Зимницы, на Дунаѣ.

11 Сентября, 11 часовъ вечера.

Я прочелъ ваши послѣднія письма при лунномъ свѣтѣ. Еще разъ спасибо за память, совѣты и пожеланія: они возобновили запасъ моей энергіи. Пишу къ вамъ въ прекрасной палаткѣ, пріобрѣтенной въ Бухарестѣ. Въ то время какъ мой сожитель поглощаетъ какой то романъ, сопровождая чтеніе его восторженными восклицаніями, я предаюсь воспоминаніямъ.

Между нами только бочепокъ со вставленной въ него свѣчей, освѣщающей колеблющимся пламенемъ наше полотняное жилище,

и въ то же время мы въ тысячѣ верстъ одинъ отъ другаго: насъ раздѣляетъ пропасть, лежащая между міромъ фантастическимъ и реальнымъ.

А сколько есть людей на свѣтѣ, столь нераздѣльно связанныхъ матеріальными жалкими интересами, что имъ нельзя даже на мгновеніе отрѣшиться отъ своей среды и унестись въ эту волшебную область!. . . . . .

. . . . . .

Мы бивакируемъ на историческомъ полѣ, такъ какъ въ двухъ верстахъ произошла знаменитая переправа 14 Іюня. Передъ нами Систово съ бѣлыми домами и мечетями, спускающимися амфитеатромъ къ Дунаю. Возвратившійся оттуда офицеръ сообщилъ, что въ городѣ только одни Русскіе и Болгары.

— Турки очистили казармы, базары и все вывезли, разсказывалъ онъ.

— Неужели и гаремы?..... перебилъ я.

— Да, мы остались только съ одними минаретами!

Направо отъ насъ Зимница, налѣво безконечные биваки; у берега рѣки громадные ба-

раки Краснаго Креста, гдѣ помѣщаются раненые подъ Плевной. Сегодня я побывалъ у нихъ; одинъ солдатикъ разсказалъ мнѣ подробности послѣдняго сраженія и, разстегнувъ рубашку, на которой красовался Георгіевскій крестъ, показалъ свою рану, еще зіяющую, но уже не представлявшую опасности для жизни. Тутъ же перевязывали другаго, тоже пробитаго насквозь. Нѣсколько кроватей дальше лежалъ въ агоніи молодой солдатъ, тѣло его приподнималось въ конвульсіяхъ, и лѣвая рука судорожно описывала круги. Рядомъ съ нимъ помѣщались турки съ покорными судьбѣ лицами, египтяне же, на оборотъ, закрывали свои смуглыя, свирѣпыя физіогноміи плащами, чтобы избѣгнуть оскорбительныхъ взглядовъ ненавистныхъ гяуровъ. Не смотря на ихъ безпомощность, фельдшера подходили къ нимъ видимо не безъ боязни.

Многіе изъ выздоравливающихъ курили и весело разговаривали.

Вамъ можетъ показаться страннымъ, что, не смотря на мою нервность, первая встрѣча съ ужасами войны не произвела на меня удру-

чающаго впечатлѣнія, правда я былъ очень взволнованъ, но волноваться не значитъ трусить; сочувствовать другимъ можно, не дрожа за себя.

Къ тому же военное ремесло имѣетъ и свои хорошія стороны, и духъ солдата крѣпнетъ при видѣ картинъ, которыя, казалось, разсчитаны на то, чтобы его сильнѣй ослабить. Въ теченіе всего дня прибывали раненые изъ Плевны. Безконечная вереница повозокъ, которыя и теперь еще зловѣще стучатъ около моей палатки, все время сдаютъ свой печальный и благородный грузъ; ужасный скрипъ колесъ мѣшаетъ мнѣ спать и наводитъ на мрачныя мысли о несчастныхъ съ раздробленными членами мужественно переносящихъ страданія, сжимая въ рукахъ завѣтные бѣлые кресты . .

. . . . . .

Завтра утромъ мы перейдемъ Дунай и отойдемъ на 25 верстъ отъ Систова къ маленькой болгарской деревушкѣ Турко-Сливно, вблизи главной квартиры, гдѣ и отдохнемъ немного передъ движеніемъ къ непріятелю, хотя неизвѣстно куда насъ двинутъ; кажется, гвардію

поберегутъ для рѣшительнаго удара. Одни увѣряютъ, что дѣла наши идутъ хорошо, другіе, что наоборотъ; во всякомъ случаѣ Плевна, какъ пропасть, поглощаетъ наши войска. Ругаютъ интендантство за плохіе сухари и лагерную полицію за то, что трупы лошадей загромождаютъ дороги, заражая воздухъ. Я самъ насчиталъ ихъ до двухсотъ отъ Александріи до Зимницы. Однако позвольте съ вами проститься; это письмо я посылаю съ почтовымъ чиновникомъ при главной квартирѣ, который за червонецъ отдалъ въ мое распоряженіе свою кровать. Покойной ночи! Завтра надо встать въ 4 часа, чтобы во время уложиться.

На бивакѣ у дольной Липницы, близъ Горнаго Студня.

Четвергъ, 24 Сентября.

Мы стоимъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры, въ центрѣ Болгаріи. На первомъ бивакѣ у Турко-Сливно мы оставались только четыре дня и, послѣ Царскаго смотра въ Горномъ Студнѣ, пришли сюда 17-го вечеромъ. По ночамъ здѣсь страшно холодно,

и Болгарія далеко не „Страна розъ“, какъ вы предполагаете! . . . . . .

. . . . . .

Знаменитый переходъ черезъ Дунай 15 Іюня на глазахъ у турокъ представлялся очень опаснымъ предпріятіемъ, и наши войска вышли изъ него со славой. Непріятель занималъ командующія высоты, и надо удивляться, какимъ образомъ наши солдаты могли преодолѣть всѣ предоставившіяся препятствія.

Противъ Систова рѣка дѣлится на три рукава, изъ коихъ два, шириною съ Вислу, съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Не смотря на то, что переходъ нашей бригады сопровождался сильнымъ вихремъ, онъ окончился благополучно. Подъ проливнымъ дождемъ и порывами вѣтра перешли мы черезъ три моста, ведя въ поводу лошадей, которыя, испуганныя плескомъ волнъ о понтоны, пятились и взвивались на дыбы. Одна упала въ воду, и стоило большаго труда вытащить ее, что задержало движеніе колонны, и мостъ, казалось, готовъ былъ разрушиться отъ топота нетерпѣливыхъ коней. Пѣна отъ волнъ, летя-

щая въ глаза, оглушающіе раскаты грома, заунывный свистъ вѣтра—все это производило впечатлѣніе жаркаго боя. Вскорѣ все пришло въ порядокъ, и когда, перейдя на тотъ берегъ, мы сѣли на коней, чтобы пройти передъ генераломъ Гурко, не было ни одного отставшаго. Прорысивъ затѣмъ 18 верстъ по пустынной, гористой мѣстности, мы за все время встрѣтили лишь бѣднаго болгарина съ женой, при чемъ воочію убѣдились въ неприкосновенности ихъ носовъ и ушей, что показалось нѣсколько страннымъ тѣмъ изъ насъ, кто, начитавшись газетъ, ожидалъ встрѣтить всѣхъ ихъ обезображенными.

Дождь не переставалъ; становилось холодно, когда на горизонтѣ вдругъ выросли какія то громадныя, сѣрыя очертанія. „Балканы! Балканы!“ пронеслось по рядамъ, и всѣ гусары замахали фуражками, привѣтствуя съ восторгомъ снѣжныя вершины, предметъ нашихъ страстныхъ и нетерпѣливыхъ ожиданій.

Три дня спустя, у Турко-Сливно первые лучи восходящаго солнца освѣтили прелестную картину: къ намъ присоединилась вся гвар-

дейская кавалерія, и полки ея величественной панорамой, раскинулись по обширному полю.

Нашъ полкъ, Лейбъ-Уланы Его Величества и 3-я гвардейская конная батарея стали авангардомъ на вершинѣ холма, остальные: Л.-Гв. Гусарскій Его Величества, Лейбъ-Уланскій Конно Гренадерскій, Лейбъ-Драгунскій, Лейбъ-Казачій, словомъ самая блестящая конница Европы, расположились за нами, покрывъ безчисленными палатками и шатрами невзрачные, песчаные холмы Болгаріи.

Ночью разноцвѣтные огни бивака произвели на меня впечатлѣніе огромнаго города, освѣщеннаго зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ, боровшимся съ заревомъ подожженныхъ турками болгарскихъ деревень; царившая кругомъ тишина нарушалась лишь изрѣдка ржаньемъ и топотомъ стоявшихъ въ коновязяхъ коней.

Будучи дежурнымъ по эскадрону, я бодрствовалъ и, прислонясь къ коню сѣна, созерцалъ засыпающій, огромный лагерь, огни котораго мало по-малу потухали. Былъ уже второй часъ утра, когда передо мной вдругъ выросли какія то огромныя тѣни, оказавшіяся

уланскимъ патрулемъ, который неслышно исчезъ въ спустившемся на землю туманѣ.

Не будучи въ силахъ бороться со сномъ, я задремалъ и, проснувшись, при слабомъ свѣтѣ утренней зари, увидѣлъ невдалекѣ какую то массу: со сна я чуть не принялъ группу кустовъ за турецкій батальонъ. Утромъ всѣхъ насъ позвали въ палатку принца, и Его Высочество, поблагодаривъ за усердную службу, поздравилъ всѣхъ унтеръ-офицерами, выразивши при этомъ, что счастливъ произвести насъ въ этотъ чинъ на берегахъ Дуная.

Мы тѣмъ менѣе ожидали этой чести, что ротмистръ на каждомъ шагу увѣрялъ, что мы долго не дождемся галуновъ, такъ какъ, хотя и знаемъ уставъ, но крайне слабы въ сѣдловкѣ и сигналахъ. Но на этотъ разъ онъ былъ великодушенъ и вмѣстѣ съ нами выпилъ за здоровье новыхъ унтеръ-офицеровъ. Мы закупили все вино у маркитантовъ, и пѣніе и танцы продолжались далеко за полночь. Въ три часа утра портной принесъ мнѣ доломанъ съ напитымъ на него блестящимъ галуномъ, и я, облек-

шись въ новые знаки своего достоинства, такъ и уснулъ въ мундирѣ на радостяхъ.

Комеровскій разбудилъ меня утромъ, крича: „унтеръ-офицеръ вставайте дежурить по эскадрону". Унтеръ-офицеръ важно отправился на службу, но вечеромъ же угодилъ подъ арестъ, отправленный неумолимымъ командиромъ, пившимъ съ нимъ наканунѣ шампанское.

17 Сентября въ 6 часовъ утра мы выступили изъ Турко-Сливно въ главную квартиру—Горный Студень на Царскій смотръ, передъ началомъ котораго полкъ объѣхалъ Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Я въ первый разъ его увидѣлъ и былъ пораженъ его красивыми, мужественными чертами лица, похудѣвшаго отъ недавней болѣзни въ Кишиневѣ. Въ немъ чувствовался твердый и энергичный начальникъ, внушавшій сразу симпатію и довѣріе въ подчиненныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ объѣзда Великаго Князя раздалось оглушительное „ура", возвѣщавшее приближеніе Государя.

Его Величество, съ нѣсколько печальнымъ выраженіемъ лица, медленно подъѣхалъ къ правому флангу, въ мундирѣ Л.-Гв. Уланскаго имени своего полка и прослѣдовалъ вдоль фронта, останавливаясь и удостоивая разговоромъ лично извѣстныхъ ему офицеровъ и даже солдатъ, осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ. Я стоялъ въ замкѣ своего эскадрона и приподнялся на стременахъ, чтобы лучше разсмотрѣть Монарха, и, когда Его Величество прослѣдовалъ мимо насъ,—мое волненіе не знало предѣла. Всѣ труды и невзгоды были въ мигъ забыты, и общій порывъ патріотизма и самоотреченія заставилъ усиленно биться наши сердца!

23 Сентября.

Послѣ двухдневной лихорадки я отправился на фуражировку къ Тырнову, гдѣ мы встрѣтили лишь нѣсколько мирныхъ турокъ, и на мой вопросъ турки ли они, тѣ отвѣчали утвердительно такимъ тономъ, какъ будто бы извинялись въ своемъ происхожденіи. Болгарскія деревни здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи,

обитатели ихъ на видъ очень счастливы, а стойла и хлѣва переполнены лошадьми и скотомъ; но при этомъ болгары корыстолюбивы до нельзя, отлично знаютъ цѣну пшеницѣ и курамъ и въ торговыхъ сдѣлкахъ самаго Биконсфильда оставятъ въ дуракахъ. Они величаютъ насъ „братушками“, мы имъ отвѣчаемъ тѣмъ же и такимъ образомъ братаемся съ утра до вечера. Такъ, входя въ какой нибудь домъ, мы начинаемъ звать „братушку“. Тотъ выходитъ, отвѣчая: „Ге, туте, братушка! добро доше, братушка“! (я здѣсь, хорошо ли доѣхалъ). Мы въ свою очередь, повторяя на разные лады „братушка“, показывая золото, добиваемся наконецъ, что намъ продаютъ пшеницу, которой сначала нигдѣ не оказывалось; заключается условіе, насъ угощаютъ молокомъ, хлѣбомъ, сыромъ и виноградомъ. Потомъ начинается представленіе: одного зовутъ Гано, другаго Филипо, третьяго Теодоро и т. д.

По дорогѣ мы встрѣтили транспортъ раненыхъ, везомый буйволами; бѣдные солдатики уныло смотрѣли на насъ. У одного изъ нихъ пьяный казакъ хотѣлъ было отнять ку-

сокъ хлѣба, но мы тотчасъ же приняли его въ нагайки.

На ряду съ деревнями, похожими по внѣшности скорѣе на города, встрѣчались бѣдные поселки, выжженые и разграбленные турками.

Женщины здѣсь очень красивы; онѣ носятъ на рукахъ серебряные браслеты и застегиваютъ пояса громадными серебряными пряжками. Всѣ мои просьбы продать одно изъ украшеній были съ гордостью отклонены. Теперь двѣнадцатый часъ, и я пишу къ вамъ, сидя въ только что купленной фескѣ, въ то время какъ вѣтеръ силится задуть единственную свѣчу. На дворѣ темно, ни одной звѣздочки. Лошади фыркаютъ за палаткой, и слышатся мѣрные шаги часоваго у штандарта .

. . . . . .

. . . . . .

Суббота, 24 Сентября.

Утромъ мы занимались чтеніемъ устава объ аванпостной службѣ, который, безъ сомнѣнія, придется скоро примѣнить на дѣлѣ, а въ два

часа пошли на ученье, чтобы солдаты не бездѣйствовали, какъ во время оно въ Кануѣ, хотя, клянусь честью, съ нею трудно сравнить нашъ бивакъ, въ грязи котораго тотчасъ бы безусловно исчезли и нѣга, и сладострастіе.

Мы разсчитывали идти къ Плевнѣ, но Государь сказалъ Принцу Альтенбургскому, что мы останемся здѣсь ожидать гвардейскую пѣхоту, а потомъ пойдемъ на сообщеніе Османа-паши съ Орханіэ и Софіей, дабы окончательно окружить Плевну, но двинемся не ранѣе 4 или 6 Октября и должны простоять здѣсь еще десять дней.

Я уже оканчивалъ письмо когда влетѣлъ, какъ бомба, Комеровскій, выдернулъ средній колъ у палатки и бросилъ его на землю.

— Съ ума ты спятилъ, что ли? разсердился я на него.

— Сейчасъ выступаемъ, отвѣчалъ онъ.

— Куда?

— Въ Софію, получено приказаніе.

Взволнованный этимъ извѣстіемъ, я начинаю укладываться; на бивакѣ поднимается страшная суматоха, увеличиваемая проливнымъ

дождемъ, но, не смотря на все, къ назначенному часу полкъ выстраивается, готовый къ выступленію. Какъ вдругъ отмѣна приказанія, и намъ любезно предлагаютъ занять прежній бивакъ.

И вотъ мы снова повергнуты въ отчаяніе и. . . . грязь!

26 Сентября.

Сегодня ночью меня внезапно разбудилъ страшный конскій топотъ: наши лошади, порвавъ недоуздки, поскакали въ разныя стороны вѣроятно искать болѣе удобнаго убѣжища, чѣмъ коновязи подъ открытымъ небомъ. Гусарамъ съ большимъ трудомъ удалось переловить и водворить на бивакѣ всѣхъ ихъ съ взъерошенной шерстью, свирѣпо поводящихъ глазами. Шумъ поднялся такой, что можно было принять всю эту суматоху за нападеніе турокъ, и, повѣрите ли, я все таки предпочелъ скорѣе остаться въ палаткѣ и быть убитымъ на мѣстѣ, чѣмъ выкупаться въ грязи. Но, какъ это часто бываетъ, ужасная ночь смѣнилась

прекраснымъ днемъ. Его Императорское Высочество Великій Князь Павелъ Александровичъ, нашъ юный Августѣйшій шефъ, неожиданно посѣтилъ полкъ, при чемъ ему были представлены всѣ офицеры и вольноопредѣляющіеся. Когда Великій Князь собрался насъ покинуть, мы получили разрѣшеніе провожать его верхомъ до Горнаго Студня, Императорской главной квартиры. Всѣ бросились къ лошадямъ, и вдругъ, о ужасъ, оказалось, что моя сильно захромала послѣ своихъ ночныхъ приключеній. Я умолялъ ротмистра дать мнѣ другую лошадь, но получилъ въ отвѣтъ сухой отказъ. Съ тоскою въ сердцѣ смотрѣлъ я на отъѣзжавшую блестящую кавалькаду . . . .

. . . . . .

Была уже полночь, когда въ палатку скользнула какая то тѣнь и усѣлась на мою походную кровать. Это былъ Комеровскій: онъ вытащилъ изъ часоваго кармана червонецъ и проговорилъ:

— Взгляни хорошенько на эту монету: изъ за нея я отправляюсь на десять сутокъ подъ арестъ.

— Что же ты укралъ ее, что-ли? отвѣтилъ я, смѣясь.

— Не смѣйся, выслушай сначала эту трагичную исторію. Проводили мы экипажъ Шефа до главной квартиры. Замѣтивъ насъ, Государь показался въ окнѣ, ласково поклонился и пригласилъ офицеровъ пить чай. Тѣ отправились, а мы остались съ лошадьми; послѣ часоваго ожиданія насъ такъ пробралъ голодъ и холодъ, что мы рѣшили пойти отыскивать что нибудь въ родѣ ресторана, каковой и незамедлили найти. Только что откупорили намъ вино, вбѣжалъ, запыхавшись, гусаръ и сообщилъ, что насъ зоветъ ротмистръ. Черезъ нѣсколько минутъ мы предстали передъ командиромъ, который, смѣривъ насъ съ головы до ногъ мрачнымъ взоромъ, къ нашему изумленію, подалъ каждому по червонцу.

„Его Императорское Высочество, сказалъ онъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ и всѣмъ унтеръ-офицерамъ, по золотому въ память посѣщенія имъ бивака своихъ гусаръ. Съ своей-же стороны я арестую васъ на 10 сутокъ каждаго за самовольную отлучку!“

Комеровскій умолкъ, глубоко вздохнулъ и всталъ.

— Куда же ты? спросилъ я его.

— „Подъ арестъ“, мрачно проговорилъ онъ и едва приподнялъ полу палатки, какъ настоящій шквалъ съ дождемъ и снѣгомъ ворвался и ударилъ мнѣ въ лицо; я съ головой залѣзъ подъ одѣяло, благословляя неожиданную хромоту лошади и упрямство эскадроннаго командира.

Воскресенье, 28 Сентября.

Ни разу еще не было такого сквернаго дня. Проливные, безпрерывные дожди обратили нашъ бивакъ въ грязное озеро, не исключая и внутренности палатокъ, промокшихъ насквозь, не смотря на тройную покрышку изъ полотна, кожи и мѣха. Даже личные сапоги промокли, и вотъ уже 17 дней, какъ все это продолжается. Солдатики поражаютъ своимъ терпѣніемъ, но офицеры начинаютъ спорить и грызться. Вообще мы похожи на стаю котовъ, заб-

равшихся на непріютную крышу, съ которой нельзя уйти, беззащитныхъ отъ хлябей небесныхъ, и къ тому-же ни одной кошечки въ перспективѣ!

ГЛАВА III.

Первое сраженіе.

Яджи, 3 Октября.

Слава Богу! Наконецъ то мы ушли изъ этого вонючаго болота. Генеральный штабъ спохватился, что люди и лошади замѣтно истощаются и болѣютъ на этомъ отвратительномъ бивакѣ. Сегодня пришли въ Яджи, въ 10 верстахъ отъ Горнаго Студня, и съ нѣкоторымъ комфортомъ стали по домамъ, и, какъ нарочно, съ прихода сюда пригрѣваетъ солнышко!

Не смотря на воркотню трехъ бабъ, Комеровскій, Лубенскій и я заняли довольно чистую комнату. Хозяйки смягчились съ приходомъ главы семейства, вѣжливо насъ привѣтствовавшаго, жавшаго всѣмъ руки и, что

было пріятнѣе всего, угостившаго насъ медомъ и виноградомъ, послѣ чего все семейство усѣлось на полъ у нашихъ ногъ. Разговоръ больше велся жестами и состоялъ изъ несложныхъ фразъ въ родѣ напримѣръ: Москови и булгари—братушки, турокъ геманъ! (Русскіе и болгары—братья, турокъ—дрянь). Этотъ разговоръ продолжался бы до утра, если бы женщины не задремали тамъ же, гдѣ сидѣли, мы послѣдовали ихъ примѣру, и, черезъ нѣсколько мгновеній, Россія и Болгарія засыпали въ quasi супружескихъ объятіяхъ, и скоро неистовый храпъ освободителей слился съ тихимъ сопѣньемъ притѣсненныхъ...

Каждый домъ здѣсь обносится рвомъ и изгородью изъ виноградныхъ лозъ. Вправо отъ насъ строенія возвышаются неправильной терасой, а влѣво раскидывается длинное кладбище съ надгробными памятниками, увѣнчанными чалмами; здѣсь встрѣчаются камни разныхъ величинъ, начиная съ совсѣмъ маленькихъ, кончая—въ ростъ человѣка, стоятъ они большею частью прямо, и лишь нѣкоторые наклонены. При лунномъ свѣтѣ ихъ можно

принять за рядъ привидѣній, собравшихся для таинственныхъ совѣщаній, которыя стаи собакъ, бодрствующихъ вслѣдствіе нашего появленія, сопровождаютъ постояннымъ, заунывнымъ лаемъ.

Турки здѣсь уже побывали, кое что разграбили, но въ сущности поселяне мало отъ нихъ пострадали, и, если бы не извѣстія изъ подъ Плевны, можно было бы легко вообразить себя въ Россіи на осеннихъ маневрахъ.

Получены хорошія извѣстія: одни говорятъ, что армія Османа-паши потеряла десятую часть людей отъ болѣзней, другіе, что скоро она должна будетъ капитулировать.

5 Октября. Полночь.

Мы идемъ въ Боготъ. Повидимому генералъ Гурко окончательно рѣшился завладѣть шоссе изъ Плевны въ Софію, главной комуникаціонной линіей турокъ, которые воздвигли на немъ три укрѣпленныхъ лагеря: Горный Дубнякъ, Телишъ и Радомицу. На этихъ дняхъ громадный транспортъ жизненныхъ и боевыхъ при-

пасовъ, подъ конвоемъ нѣсколькихъ таборовъ низама, прошелъ безпрепятственно въ Плевну подъ самымъ носомъ кавалерійскаго корпуса генерала Крылова. Желательно, чтобы такія parties de plaisiz больше не удавались.

Мы страшно счастливы идти, наконецъ, къ непріятелю, а то праздность насъ убивала, и солдаты жаловались на безплодность перенесенныхъ трудовъ и лишеній. Ну, а теперь, берегись турки!

Мой командиръ нервно покручиваетъ усы, офицерство, сидя на чемоданахъ, играетъ въ баккара; что касается меня, то я думаю больше о васъ, чѣмъ о туркахъ, хотя послѣдніе отъ меня ближе, чѣмъ вы!

Часъ утра.

Наши хозяева спятъ на землѣ глубокимъ сномъ; увы, отчего бы и собакамъ не послѣдовать ихъ примѣру! Я опять задремалъ, когда въ комнату съ шумомъ вошелъ Комеровскій и наткнулся прямо на хозяина; тотъ быстро поднялся съ воинственнымъ крикомъ, но, услышавъ нашъ смѣхъ, опять улегся.

— Откуда ты? спросилъ я; великанъ, молча, показалъ мнѣ пустой кошелекъ и вывернулъ карманы.

— А графъ?

— Сейчасъ придетъ, у него только одинъ золотой остался, и тотъ онъ занялъ у генеральскаго повара.

7 часовъ утра.

Лошади посѣдланы. Лубенскій явился съ шестьюдесятью золотыми и увѣрилъ насъ, что наконецъ открылъ секретъ выигрывать: занять на игру денегъ у повара.

Боготь, 11 Октября.

Послѣ остановки въ Беановѣ, мы направились восьмаго къ Боготу. Въ Порадимѣ полкъ смотрѣлъ Князь Карлъ Румынскій. Пришли мы только въ десять часовъ вечера, такъ какъ артиллерія все время насъ задерживала. Меня одолѣла лихорадка: зарывшись въ солому съ первами, разстроенными болью и безсонницей я вздрагивалъ отъ пушечныхъ ударовъ, доносящихся со стороны Плевны.

Изъ Яджи мы выступили въ 5 часовъ утра и пошли по такимъ скверным дорогамъ, что должны были весь обозъ оставить назади.

Два дня мы питались только кукурузой, при чемъ дѣлали привалы среди полей: лошади объѣдали листья, а люди жевали зерна.

Съ одной стороны насъ жгло тропическое солнце, съ другой пронизывалъ сѣверный вѣтеръ—съ снѣжныхъ вершинъ Балканъ, такъ что, вздумай кто насъ цѣловать, о правую щеку обжогся-бы, а объ лѣвую отморозилъ бы себѣ губы!

Лошади съ трудомъ пробирались черезъ дефиле; на спускахъ нужно было вести ихъ въ поводу.

Ночлегъ насъ засталъ подъ открытымъ небомъ; измученный я улегся у огня, но его скоро задулъ порывъ вѣтра; утромъ я едва держался на ногахъ и, когда попробовалъ писать, рука тряслась, какъ у старика. Желая, во что бы то ни стало, скорѣе выздоровѣть, я съѣлъ кусокъ баранины, политый его... опіумомъ.

12 Октября 1877 г. Четыре часа утра.

Принцъ приказалъ, какъ можно тише садиться на коней; передъ выступленіемъ снова разожгли бивачные огни для введенія въ обманъ противника. Полкъ вышелъ, соблюдая полную тишину, и вскорѣ мы пошли въ бродъ черезъ рѣку Видъ. Въ двухъ шагахъ не было ничего видно; сапоги мои быстро наполнились водой, и ноги совсѣмъ окоченѣли. Перейдя рѣку, слѣзли. Я отдалъ лошадь солдату и сталъ прыгать, чтобы согрѣться. Вокругъ меня тоже скакали какія-то тѣни. Не слышно было ни слова кругомъ. Я прилегъ на мерзлую землю, какъ вдругъ вблизи загремѣлъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, и началась канонада. Мы снова сѣли на коней и черезъ четверть часа достигли покинутой жителями деревни Черикова, высокій минаретъ которой сверкалъ подъ первыми лучами восходящаго солнца. Канонада и ружейный огонь удвоились. Мы снова слѣзли и сняли шинели, чтобъ остаться въ доломанахъ; но я былъ въ полушубкѣ, а доломанъ свой запряталъ подъ сѣдло; переодѣвшись и сѣвъ на

лошадь, я почувствовалъ, что сѣдло болтается, что меня порядкомъ встревожило. Въ эту минуту на полномъ карьерѣ подлетѣлъ къ Принцу ординарецъ генерала Гурко и передалъ приказаніе двигаться на большихъ рысяхъ къ Софійскому шоссе.

Убѣдившись, что мы идемъ въ огонь, я пробовалъ сосредоточиться, но никакъ не могъ собрать мыслей и, какъ автоматъ, управлялъ лошадью. У офицеровъ и солдатъ лица стали серьознѣе.

. . . . . .

. . . . . .

Еще передъ выступленіемъ былъ прочитанъ приказъ начальника отряда, генерала Гурко:

„Помните, ребята, что вы—гвардія Русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки стрѣляютъ издалека и много—это ихъ дѣло, а вы стрѣляйте, какъ васъ учили: умною пулей, мѣтко, а когда придется до дѣла въ штыки, то продырявь врага. Нашего „ура“ онъ не выноситъ. О васъ, гвардейцы, заботятся больше, чѣмъ объ остальной арміи: у васъ лучшія казармы, вы лучше

одѣты, накормлены и обучены, — вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ".

Слова эти указывали на близость боя, и дѣйствительно, 11-го октября мы получили диспозицію атаки Горнаго Дубняка, начинавшуюся слѣдующими словами: „Завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе, съ цѣлью занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ". Далѣе слѣдовали 14 пунктовъ, изъ которыхъ 7-й, касавшійся насъ, гласилъ; „3-ей бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями выступить въ 6 ч. 30 м. утра и стать позади Горнаго Дубняка, впереди деревни Черикова. Бригада эта составитъ кавалерійскій резервъ въ 7 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій".

И мы, такъ сильно волновавшіеся при началѣ чтенія, всѣ стали роптать, что попали въ резервъ, хотя и заранѣе знали, что кавалерія укрѣпленій не беретъ.

Тѣмъ не менѣе никто изъ насъ не спалъ въ эту ночь. Въ восемь часовъ утра мы находились уже на правомъ флангѣ отряда, за батареями, громившими турецкіе редуты. Полкъ оставался здѣсь до 9-ти часовъ, а затѣмъ насъ перевели на лѣвую сторону шоссе. Въ продолженіе цѣлаго часа слышался лишь трескъ ружейнаго огня и глухіе пушечные удары; за густою пеленой дыма ничего не было видно, и только, когда Его Высочество позвалъ меня къ себѣ на ординарцы, я, поскакавъ за нимъ, могъ дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ происходящемъ.

Передъ нами незамѣтно поднималось Софійское шоссе, перерѣзывая равнину, поросшую сухою травой. Вправо отъ дороги, приблизительно въ верстѣ отъ насъ, шли громадныя укрѣпленія до самаго шоссе, влѣво также высился редутъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Наши войска дугой расположились передъ непріятельскою позиціей и, повидимому, наносили гранатами сильный вредъ турецкимъ укрѣпленіямъ.

Около 10-ти съ половиной часовъ утра „ура“ загремѣло съ двойною силой, сопровождаемое страшнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и сухимъ трескомъ барабановъ. Но крики продолжались не долго, выстрѣлы становились все рѣже, и скоро водворилась полная тишина. Сначала мы не могли дать себѣ отчета въ происходившемъ, но скоро, какъ молнія, откуда-то облетѣла всѣхъ вѣсть, что лейбъ-гренадеры завладѣли лѣвымъ малымъ редутомъ, и тотчасъ же было приказано нашимъ батареямъ перестать стрѣлять въ этомъ направленіи; орудія, воспользовавшись свободнымъ промежуткомъ времени, переѣхали ближе къ непріятелю на нѣсколько сотъ саженъ.

Канонада и перестрѣлка опять возобновилась; намъ приказано было слѣзть.

Долго и усиленно слѣдилъ за движеніями нашихъ войскъ, которыя, подвигаясь частями, примыкали одна къ другой; нѣкоторые баталіоны искали убѣжища отъ града пуль въ придорожныхъ канавахъ, другіе за кустарниками и копнами сѣна, которые, конечно, насквозь пронизывались пулями. Огонь былъ

ужасенъ, и его зловѣщіе раскаты казались чудовищною гаммой адскаго фортепіано.

. . . . . .

Около десяти часовъ я увидѣлъ перваго мертвеца, котораго санитары тащили на носилкахъ; это былъ красавецъ-гренадеръ, почти великанъ; его большіе, открытые глаза, какъ бы смотрѣли на насъ, и изъ маленькой ранки во лбу сочилась струйка крови. Съ этой минуты переносъ раненыхъ продолжался безпрерывно: мы стояли какъ-разъ на пути къ перевязочному пункту. Никогда я не забуду одного, подошедшаго къ намъ. Онъ хромалъ и опирался о плечо товарища, тоже раненаго, который, поддерживая его одною рукой, другой—скручивалъ ему папиросу. Оба остановились около насъ и просили закурить, и тутъ только я замѣтилъ, что раненый шелъ на каблукахъ, такъ какъ обѣ ступни были пробиты пулями. Подошедшій къ намъ третій гренадеръ, весь въ крови, спокойно снялъ съ себя шинель, раскаталъ ее, вытряхнулъ засѣвшія тамъ пули и, одѣвъ въ накидку, побрелъ далѣе.

. . . . . .

Нѣсколько минутъ спустя, я уже ничего не видѣлъ и не чувствовалъ, окончательно обезсиленный усталостью, волненіемъ и голодомъ.

Мы начинали нести потери. Нѣсколько гусаръ и лошадей ранено, нѣсколько пуль, пробивъ сѣдла, застряли въ сухаряхъ, что давало полное представленіе о ихъ черствости. Я хотѣлъ было укрыться за лошадью, но та ни минуты не стояла на мѣстѣ.

Наступилъ третій часъ. Огонь было уменьшился, какъ вдругъ раздался оглушительный залпъ на правомъ флангѣ атакующихъ колоннъ, и снова зарокотали ружейные выстрѣлы, и загремѣли пушки. Мы быстро сѣли на копей и разомкнули ряды. Наши колонны атакуютъ турецкія траншеи и все болѣе и болѣе приближаются къ большому редуту; храбрые стрѣлки, ослѣпленные залпами страшной силы и невѣроятной быстроты, останавливаются и ищутъ укрытія за убитыми, изъ которыхъ дѣлаютъ себѣ брустверъ. Снова водворяется тишина, прерываемая время отъ времени рѣдкими ружейными выстрѣлами.

. . . . . .

Сумерки быстро наступали...

А ну, какъ турки побѣдили? зародилась у многихъ мысль, и смертельная тоска овладѣла нами.

Вдругъ большой столбъ пламени загорѣлся внутри редута, и вскорѣ онъ снова выросъ передъ нами своими мрачными очертаніями на свѣтломъ фонѣ зарева. Черезъ нѣсколько минутъ, среди торжественной тишины, раздалось могучее, пѣстовое, побѣдное „ура“, нашедшее дружный отголосокъ въ нашихъ стѣсненныхъ грудяхъ, и всѣ почувствовали, что побѣда наконецъ за нами.

. . . . . .

Нашимъ храбрецамъ удалось таки овладѣть неприступнымъ редутомъ, гдѣ они сожгли все и перекололи гарнизонъ штыками.

Какъ это случилось? Какимъ образомъ счастье повернулось въ нашу сторону — никто не знаетъ и вѣроятно никогда не будетъ знать*).

---

*) Исторія, благодаря группировкѣ фактовъ и всѣхъ подробностей знаменитаго сраженія, съ достаточной полнотой выяснила этотъ вопросъ, но для большинства очевидцевъ въ моментъ боя онъ, разумѣется, оставался закрытымъ. *Пер.*

Нашей бригадѣ было приказано преслѣдовать бѣгущихъ Турокъ, и всѣ эскадроны бросились на Софійское шоссе.

Когда мы поровнялись съ горящимъ турецкимъ лагеремъ, по неровнымъ прыжкамъ моей лошади я замѣтилъ, что она скачетъ по трупамъ. Было уже совсѣмъ темно, не смотря на седьмой только часъ вечера; я совсѣмъ опалѣлъ и точно опьянѣлъ отъ криковъ „ура“, пороховаго дыма, стука и грохота орудій.

Гранаты рвались то тутъ, то тамъ; лошади спотыкались о раненыхъ, стонавшихъ въ канавахъ, о ружья, разбросанныя по дорогѣ, а мы все скакали, скакали неудержимо впередъ.

Вскорѣ намъ встрѣтился генералъ Гурко со своимъ штабомъ. „Здорово, гусары“, крикнулъ онъ гремящимъ голосомъ, котораго я никогда не забуду.

„Здравія желаемъ вашему превосходительству“! вихремъ вырвалось изъ рядовъ.

„Поздравляю васъ, ребята, съ побѣдой“, снова раздался его голосъ и, обращаясь, къ принцу, генералъ добавилъ: Monseigneur, avan-

cez vers le village de Telisch et restez à cheval sur la chaussée".

Мы снова поскакали по дорогѣ изъ человѣческаго мяса. Взошла луна, и можно было ясно различать безжизненныя тѣла, разбросанныя кругомъ: одни съ распростертыми руками, какъ бы пригвожденныя къ землѣ, другія ничкомъ на животахъ, третьи съ ружьями въ рукахъ, иныя въ смѣшныхъ каррикатурныхъ позахъ, что еще болѣе увеличивало ужасъ смерти, и всюду кровь большими, черными лужами; вся дорога усѣяна была ружьями, саблями, фесками, фуражками, оборванными портупеями и клочьями мундировъ, изорванныхъ въ ожесточенной борьбѣ.

Наши и уланскіе кони съ трудомъ находили себѣ дорогу въ этомъ кровавомъ хаосѣ.

Мы поравнялись съ маленькимъ каменнымъ домомъ, буквально исчезнувшимъ подъ грудой труповъ. Только больное воображеніе могло представить себѣ смерть въ такихъ отвратительныхъ образахъ. Невольно я остановился передъ этой грудой изувѣченныхъ, обезображенныхъ тѣлъ, и нечаянный стонъ вырвался изъ

груди моей: я буквально изнемогалъ отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній.

Принцъ остановилъ наконецъ полкъ у маленькаго мостика и послалъ меня за приказаніями къ бригадному командиру. Нужно было опять собраться съ силами, опять пересѣчь это ужасное поле и снова увидѣть ужасное зрѣлище. Но съ первыхъ же шаговъ я не чувствовалъ больше ни волненія, ни страха; я такъ былъ изнуренъ, что, машинально смотря кругомъ, только билъ нагайкой коня, когда онъ спотыкался о мертвецовъ.

Я скоро отыскалъ графа де-Бальмена, передалъ все, что было приказано и, видя, что онъ колеблется въ отдачѣ приказанія, повторилъ ему слова начальника отряда.

Тѣмъ не менѣе графъ послалъ меня къ генералу Гурко за болѣе точной инструкціей. Розыскивая его во всѣхъ направленіяхъ, я, къ счастью, наткнулся на командира полка, такъ какъ послѣдній, узнавъ, что лейбъ-уланы уже пошли на аванпосты къ Телишу, рѣшилъ поставить полкъ бивакомъ на ночь у маленькой рѣчки, къ югу отъ поля сраженія.

Наконецъ то я могъ отдохнуть. Привязавъ лошадь къ дереву, я усѣлся подъ нимъ и только что задремалъ, какъ меня опять подняли крики: „лошадь, чья лошадь?!“ Мимо шла съ шумомъ батарея, и между пушками и зарядными ящиками бѣжала лошадь безъ всадника. Убѣжденный почему-то, что отвязалась моя, я такъ бросился въ догонку, что не могъ перевести долго потомъ дыханія, когда меня вернули и убѣдили, что моя лошадь спокойно стоитъ, привязанная къ дереву. Въ три часа ночи тревога, крики: „Турки, турки!..“ раздались у меня въ ушахъ. Пѣхота бросилась въ ружье, мы къ конямъ, но вскорѣ объяснилось, что ихъ было всего нѣсколько человѣкъ, повылазившихъ изъ разныхъ норъ, куда они залѣзли со страху во время боя. Желая узнать подробности сраженія, я подошелъ къ кучкѣ офицеровъ, которые толковали о трагическихъ эпизодахъ вчерашняго дня. Не считая тысячъ убитыхъ на поляхъ Горнаго Дубняка, мы много потеряли подъ Телишемъ, куда были посланы егеря и артиллерійская бригада, чтобы прикрыть насъ съ юга. Выбивъ

штыками турокъ изъ передовыхъ траншей, наши храбрецы, находясь на открытомъ пространствѣ, осыпаемые градомъ свинца, должны были залечь въ ста шагахъ отъ укрѣпленій. Въ эту минуту прибыли къ туркамъ подкрѣпленія—нѣсколько таборовъ съ артиллеріей, и командиръ полка долженъ былъ отступить. Тутъ произошли ужасныя сцены: 300 нашихъ раненыхъ, оставшихся на мѣстѣ, были добиты изувѣрами, которые всѣмъ отрубили головы, отрѣзавъ предварительно носы и уши и, страшно сказать, разведя огонь у нѣкоторыхъ на животахъ. Потеря геройскаго полка равнялась половинѣ его состава.

Ахметъ-Ферикъ-паша, знамя и 2,000 плѣнныхъ были трофеями этого кроваваго дня, и, что было важнѣе всего, жизненная артерія Османа-паши была перерѣзана, и съ кончиной Горнаго-Дубняка началась агонія Плевны.

13-го Октября, утромъ.

Мы, не ѣвши, двинулись къ Телишу на смѣну лейбъ-уланамъ. Около 11-ти часовъ меня послали къ генералу Гурко съ письменнымъ

донесеніемъ, и мнѣ пришлось опять пересѣчь освѣщенное солнцемъ поле вчерашняго боя. Нельзя описать представившагося моимъ глазамъ: такъ было все ужасно, отвратительно!..

Укрѣпленный лагерь и редуты, еще вчера вмѣщавшіе въ себѣ пяти-тысячный гарнизонъ, превратились въ груду развалинъ, облитыхъ кровью. Убитые казались громадными красными и синими гроздями, рѣзко выдѣлявшимися на темномъ фонѣ укрѣпленій. Только черезъ два часа отыскалъ я начальника отряда и передалъ рапортъ его начальнику штаба генералу Нагловскому.

На обратномъ пути я проѣхалъ мимо Преображенцевъ и встрѣтилъ моего знакомаго, капитана Адлерберга, который меня не узналъ, такъ я исхудалъ и почернѣлъ отъ пороха. Я попросилъ у него куска хлѣба, но онъ не могъ исполнить моей просьбы, такъ какъ со вчерашняго дня самъ ничего не ѣлъ. Будучи далѣе, я встрѣтилъ маркитанта, который предложилъ мнѣ сухарь за червонецъ и ружье Ибоди за цѣлковый. Я взялъ первый и отка-

зался отъ втораго, такъ какъ не зналъ бы, что съ нимъ дѣлать.

. . . . . .

14-е и 15-е октября мы простояли на аванпостахъ почти безъ пищи. Все, что я могъ раздобыть, заключалось въ черномъ и твердомъ, какъ камень, сухарѣ и кускѣ сахара. Жажду приходилось утолять вмѣстѣ съ лошадьми изъ грязной лужи и пить прямо, ложась на землю, за неимѣніемъ стакана. Спать приходилось, гдѣ попало, безъ огня, который запрещено было разводить, и изголовьемъ мнѣ служилъ... бинокль.

Тѣмъ временемъ генералъ Гурко рѣшилъ, какъ можно скорѣе, покончить съ Телишемъ, вторымъ укрѣпленнымъ лагеремъ послѣ Горнаго Дубняка на Софійскомъ шоссе, и, дабы не терять много людей, взять его одною бомбардировкой.

15-го вечеромъ мы получили диспозицію, гдѣ, относительно насъ, было сказано:

„Л.-гв. Гродненскому гусарскому полку завтра, 16-го октября, въ 12 часовъ дня, снявъ свои аванпосты и, присоединивъ къ себѣ 2-ю

батарею гвардейской конно-артиллерійской бригады, отойти къ западу отъ шоссе, спуститься въ долину и, если окажется возможнымъ, открыть стрѣльбу батареей противъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій".

Стрѣльба должна была производиться слѣдующимъ образомъ: отъ 12 час. дня до 2 час. пополудни перемѣнно гранатами и шрапнелью; въ 2 часа дать три залпа и затѣмъ до $2^1/_2$ часовъ не стрѣлять; въ половинѣ третьяго дать три залпа и затѣмъ медленно стрѣлять гранатами и шрапнелью. Въ 4 часа пополудни опять дать три залпа и прекратить стрѣльбу до $4^1/_2$ часовъ; затѣмъ опять три залпа и продолжать медленно стрѣльбу до наступленія темноты и, давъ три послѣдніе залпа, прекратить стрѣльбу.

16-го, въ 10 часовъ утра, Принцъ сѣлъ на коня, и я послѣдовалъ за нимъ. Въ 11 часовъ началась канонада; меня послали съ приказаніемъ въ эскадроны снимать аванпосты. Его Высочество, вмѣстѣ съ командиромъ батареи, направился къ западу отъ Телишскаго шоссе для выбора артиллерійской позиціи.

Я же поскакалъ поспѣшно къ нашимъ гусарамъ, по которымъ турки открыли огонь и, передавъ приказаніе полковнику Остроградскому, остался съ нимъ показать дорогу.

Полчаса спустя, мнѣ попался на встрѣчу командиръ батареи, одинъ съ трубачемъ.

— Полковникъ, гдѣ же Его Высочество? спросилъ я.

— Можетъ быть у турокъ, отвѣтилъ онъ смѣясь, и проскакалъ дальше.

Я бросился впередъ; никого не было видно кромѣ нѣсколькихъ Черкесовъ, направлявшихся къ Телишу. Наконецъ у поворота дороги я замѣтилъ сидящаго на камнѣ Принца; лошадь его держалъ въ поводу артиллеристъ.

Когда я подскакалъ, Принцъ съ трудомъ проговорилъ: „въ животъ“. Я помогъ ему раздѣться и, вынувъ изъ кармана чакчиръ портъ-сигаръ, замѣтилъ, что онъ пробитъ пулею.

— Вы только контужены! радостно вскричалъ я, показывая ему просверленную верхнюю крышку.

— Слава Богу, отвѣчалъ принцъ, но ударъ былъ такъ силенъ, что казалось пуля пробила

всѣ внутренности. Это меня такъ канальи черкесы угостили!

Я поѣхалъ за докторомъ, но уже черезъ четверть часа нашъ командиръ сѣлъ на лошадь и, не смотря на боль, не оставилъ строя во все время боя 16 Октября, который, къ счастью былъ непродолжителенъ и обошелся почти безъ жертвъ.

Въ два часа дня, по прекращеніи огня непріятель не выказывалъ еще намѣренія сдаться, но полчаса спустя, когда мы опять начали канонаду, огонь турокъ сдѣлался слабѣе и наконецъ совсѣмъ прекратился: всѣ ихъ орудія были подбиты.

Генералъ Гурко со штабомъ подъѣхалъ къ одной изъ нашихъ батарей, чтобы лично слѣдить за результатами стрѣльбы, когда на укрѣпленіяхъ было выкинуто бѣлое знамя; тотчасъ же раздалось громкое „ура“, торжествовавшее побѣду почти безъ пролитія крови Въ эту минуту началось бѣгство турокъ во всѣхъ направленіяхъ. Мы двинулись на большихъ рысяхъ къ Телишу и, во мгновеніе ока, заняли непріятельскія укрѣпленія, внутренность

которыхъ представляла ту же картину, что и Горный Дубнякъ: убитые, раненые, блуждающія лошади безъ сѣдоковъ, но что насъ собственно поразило: это громадное количество найденныхъ тамъ снарядовъ. День этотъ стоилъ намъ всего нѣсколько человѣкъ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ улегся на дворѣ маленькаго дома, гдѣ остановился командиръ полка.

Трофеями этого дня были: большая часть гарнизона Телиша военно-плѣнными съ начальникомъ Хаки-пашой *), 4 стальныхъ орудія и масса оружія, снарядовъ, скота и т. п.

Всѣ бараны и свиньи были приколоты пиками.

Можно легко себѣ представить, какъ вкусна показалась намъ говядина послѣ пятидневнаго питанія сухарями.

Вечеромъ послѣ обѣда я отправился отыскивать своихъ товарищей и, не найдя ихъ

*) У этого достойнаго генерала, бывшаго учителя геометріи, было найдено много вещей убитыхъ 12 Октября егерей, равно какъ и у нѣсколькихъ Англичанъ, состоявшихъ при турецкомъ госпиталѣ. *Пер.*

нигдѣ, пошелъ справиться у ротмистра, который меня принялъ очень холодно и приказалъ явиться черезъ полчаса. Пораженный такимъ пріемомъ, я машинально пошелъ бродить взадъ и впередъ, когда неожиданно наткнулся на какую то массу, принятую мною сначала за мѣшокъ. Но оказалось, что это былъ мой товарищъ Энгельгардъ. Наклонившись къ нему, я замѣтилъ, что глаза его лихорадочно блуждали.

— Гдѣ же остальные?

— Не знаю, да впрочемъ это меня не интересуетъ, мы всѣ теперь пропали.

— Ротмистръ приказалъ мнѣ вернуться черезъ, полчаса; не знаешь ли ты, зачѣмъ онъ насъ требуетъ? допытывался я.

— Почему же я знаю, повторяю, тебѣ еще разъ, что всѣ мы пропали, и по моей винѣ, рѣзко отвѣчалъ Энгельгардъ, повернулъ голову, и больше я ничего не могъ отъ него добиться. Въ эту минуту меня кто то окликнулъ, оказалось, что это былъ длинный Комеровскій, который, замѣтивъ скорчившагося у ногъ мохъ Энге́льгарда, обратился къ нему:

— Ну, что, Константинъ Васильевичъ, поздравляю, изъ за тебя теперь всѣмъ намъ влетитъ!..

И, не обращая вниманія на умоляющіе жесты нашего пріятеля, онъ разсказалъ мнѣ всю исторію. Нашъ ротмистръ отправился сегодня утромъ съ эскадропомъ на рекогносцировку. Бригадный командиръ послалъ къ нему Энгельгарда съ приказаніемъ немедленно вернуться. Константинъ Васильевичъ помчался стрѣлой, сбился съ дороги и долго блуждалъ въ поляхъ, отчаяваясь уже въ возможности исполнить порученіе, когда вдругъ при входѣ въ одну деревню онъ издали замѣтилъ ротмистра. Первымъ движеніемъ нашего друга было поскакать и броситься къ нему на шею, и хотя отъ этого онъ воздержался, тѣмъ не менѣе не могъ совсѣмъ скрыть своей радости и издалека закричалъ: „Николай Ивановичъ, какъ я счастливъ, что встрѣтилъ васъ наконецъ!“

Николай Ивановичъ не былъ того же мнѣнія и, нахмуривъ брови, отвѣчалъ:

— Унтеръ-офицеръ, слѣзайте съ лошади и идите пѣшкомъ за эскадрономъ!

— Но я привезъ приказаніе отъ бригаднаго командира! . . .

— Вы мнѣ передадите его, когда я объ этомъ спрошу.

Черезъ четверть часа ротмистръ пожелалъ узнать приказаніе и нашелъ Энгельгарда . . . верхомъ!

— Кто вамъ позволилъ сѣсть? вскричалъ онъ, взбѣшенный, вы осмѣлились пойти противъ дисциплины вблизи непріятеля, и я имѣю право застрѣлить васъ на мѣстѣ! И съ этими словами ротмистръ вынулъ изъ кобуры револьверъ. Энгельгардъ уже приготовился къ смерти, набожно перекрестился, когда ротмистръ медленно уложилъ свое смертоносное оружіе въ кобуру.

— Когда вамъ передано было приказаніе? спросилъ онъ.

— Въ девять часовъ.

— Гдѣ?

— Въ Телишѣ.

— Который теперь часъ?

— Четыре часа.

— Я съ двѣнадцати нахожусь въ этой деревнѣ, слѣдовательно вы десять верстъ ѣхали семь часовъ. Ну, хорошо-съ, мы еще поговоримъ съ вами... Кстати, знайте разъ навсегда, что передъ эскадрономъ я для васъ не Николай Ивановичъ, и мнѣ совершенно безразлично, счастливы вы или нѣтъ меня видѣть.

— Вотъ тебѣ вся исторія, закончилъ Комеровскій. Богъ знаетъ, что насъ ожидаетъ, такъ какъ ротмистръ приказалъ собраться въ 9 часовъ всѣмъ вольноопредѣляющимся къ его палаткѣ.

Мы явились къ назначенному сроку; Энгельгардъ шелъ, точно на казнь.

Его высокоблагородіе смѣрилъ насъ взглядомъ съ головы до ногъ, откашлялся и сдѣлалъ перекличку. Всѣ оказались на лицо.

— Господа вольноопредѣляющіеся, обратился онъ къ намъ: сегодня случился прискорбный фактъ. Одинъ изъ вашихъ товарищей совершилъ важный проступокъ, чего никакъ нельзя было ожидать, судя по его обра-

зованію и воспитанію. Посланный бригаднымъ командиромъ съ приказаніемъ, онъ позволилъ себѣ обратиться ко мнѣ: Ахъ, Николай Ивановичъ, какъ я счастливъ васъ увидѣть! Я доложилъ объ этомъ Его Высочеству, пусть онъ рѣшитъ, какое взысканіе наложить за подобный проступокъ.

Вы, господа, злоупотребляете нашей добротой, отплачивая подобнымъ образомъ за наше къ вамъ расположеніе, и забываете громадное разстояніе между г.г. офицерами и вами. Отправьтесь къ вахмистру, который сообщитъ вамъ мое рѣшеніе, заключилъ свою рѣчь нашъ командиръ.

Мы молча ретировались, и, нѣсколько минутъ спустя, вахмистръ Иванъ Ивановичъ Мурашъ сообщилъ намъ иронически печальнымъ тономъ:

Господа, теперь вы будете кушать изъ котла, и сами изволите чистить лошадей, и всѣ льготы вамъ прекращены впредь до особаго приказанія, а что касается Энгельгарда—онъ назначается въ ночные — на двѣ недѣли!

Безъ сомнѣнія въ теченіе этихъ безсонныхъ ночей Энгельгардъ часто будетъ мысленно повторять: „Николай Ивановичъ, какъ я несчастливъ былъ.... васъ встрѣтить!“.

ГЛАВА IV.

Куриная экспедиція.

18 Октября мы выѣхали впередъ за линію аванпостовъ, чтобы лучше разсмотрѣть расположеніе Турокъ. Съ первыхъ шаговъ можно было составить себѣ понятіе о быстротѣ ихъ бѣгства по количеству брошенныхъ сухарей. Вся дорога была усѣяна палыми лошадьми, опрокинутыми телеграфными столбами, спутанная проволока которыхъ то и дѣло попадала подъ ноги лошадямъ, и началась настоящая скачка съ препятствіями. Время отъ времени на пути попадались укрѣпленія, лагери, носившіе слѣды недавняго присутствія Турокъ, редуты, снабженные снарядами и боевыми припасами съ стаями бродячихъ собакъ, искавшихъ изчезнувшихъ хозяевъ. Дойдя до мо-

ста черезъ рѣку Некеръ у Радомицы, нашъ генералъ не счелъ нужнымъ продолжать наступленіе, и мы вернулись опять въ Телинъ. Но генералъ Гурко былъ совсѣмъ другаго мнѣнія, распекъ насъ за возвращеніе и приказалъ въ два часа утра выступить въ томъ же направленіи и войти въ соприкосновеніе съ противникомъ. Мы вышли съ зарей по той же дорогѣ, съ развѣдчиками впереди и съ удовольствіемъ вновь созерцали палыхъ лошадей и вывернутые столбы.

По ту сторону рѣки Некера шоссе то поднималось, то шло подъ гору посреди чрезвычайно живописной мѣстности. Мы прошли черезъ пустынную деревню Луховицу, гдѣ изъ живыхъ существъ встрѣтили лишь бѣдную, съумасшедшую женщину, дѣлавшую отчаянные жесты.

Немного далѣе засвистали вдругъ пули: мы замѣтили вправо отъ дороги редутъ и влѣво укрѣпленный лагерь. Полкъ остановился; батарея выѣхала на позицію. Съ наступившими сумерками мы стали на бивакъ въ виду

турокъ. Потерей этого дня была всего одна лошадь, смертельно раненая пулей.

Я заснулъ на кучѣ сѣна и, проснувшись утромъ, увидѣлъ, что мой импровизированный матрацъ исчезъ въ желудкахъ двухъ лошадей, лукаво на меня смотрѣвшихъ и, казалось, смѣявшихся надъ моимъ отчаяніемъ. Но вскорѣ я самъ расхохотался, и, такимъ образомъ ночные мародеры, уничтоживъ мое ложе, не могли того же сдѣлать съ моимъ хорошимъ настроеніемъ.

Ночью турки очистили бивакъ и подожгли его, такимъ образомъ дорога была свободна. Мы пришли въ Петровенъ, гдѣ жители также отсутствовали, и нашли тамъ массу птицъ, въ особенности куръ, почему этотъ день сдѣлался знаменитымъ въ лѣтописяхъ Гвардіи подъ именемъ куриной экспедиціи. Мы ихъ прикололи до 4-хъ тысячъ, я въ свою очередь убилъ съ десятокъ, не считая гуся, проткнутаго саблей и такимъ образомъ также получившаго боевое крещеніе. Дальше мы не пошли и, смѣнившись съ казаками, подъ командой генерала Черевина, вернулись въ Телинъ,

затѣмъ черезъ Горный Дубнякъ пошли въ Маголетъ, гдѣ оставались нѣсколько дней. Здѣсь мы лишились своего командира эскадрона. Послѣднія событія окончательно повредили его разсудокъ: онъ помѣшался на томъ, что одинъ взялъ Плевну, получивъ при штурмѣ невѣроятныя раны, и врачи констатировали полное поврежденіе умственныхъ способностей, что нами было уже давно замѣчено. Онъ насъ покинулъ, и любезность барона Бистрома, заступившаго его мѣсто, заставила насъ мало сожалѣть о его отъѣздѣ.

Изъ Маголета мы перешли въ Комарцы, гдѣ должны были отдыхать до 2-го Ноября, но 30 Октября было получено приказаніе идти во Врацу, взятую съ боя гвардейскими уланами и драгунами.

Во всѣхъ деревняхъ, которыя мы проходили, жители выходили къ намъ на встрѣчу, предлагали вина, очень плохаго, правду сказать, и протягивая свои грязныя лапы. Всѣ они выбриты, какъ китайцы, съ маленькими косами на макушкахъ, мы подергиваемъ ихъ за эти хвосты въ знакъ дружбы, приговаривая „бра-

тушка", на что тѣ отвѣчаютъ: „добро доше!" (добро пожаловать), скача кругомъ нашихъ лошадей.

Враца—очень красивый городокъ издали, ужасна внутри своими темными, извилистыми улицами, похожими на Каирскія, изображенныя Гильдебрандомъ, съ той лишь разницей, что въ Египтѣ небо лазурное, а здѣсь грязно-сѣрое, такъ какъ мы вѣчно находимся въ туманѣ. Изъ за него мы лишились лучшаго унтеръ-офицера, красавца собой, пробитаго въ грудь пулею бродившими кругомъ бивака черкесами, подъѣзжающими очень близко, благодаря туману. Несчастный прожилъ всего четырнадцать часовъ. Мы отнесли гробъ въ церковь, и восемь священниковъ отпѣвали нашего товарища, и, если великодушіе болгаръ, относительно живыхъ освободителей, и имѣетъ иногда границы, за то щедрость въ отданіи послѣднихъ почестей мертвымъ—безпредѣльна!

Мы вынесли изъ этой церемоніи впечатлѣніе грусти, но не унынія, что же касается нашего подъема духа, могу сказать только, что онъ граничитъ съ высотою Балканъ!

В р а ц а.

7 Ноября, 10 часовъ утра.

Вѣроятно мы здѣсь долго останемся. До сихъ поръ мы бивакировали у въѣзда въ городъ, но со вчерашняго дня Принцъ, заболѣвшій лихорадкой, поселился въ городѣ. Я живу съ нимъ въ домѣ городскаго головы, у котораго очень симпатичная семья, состоящая изъ жены и четырехъ маленькихъ дочерей. Старшая изъ нихъ двѣнадцати лѣтъ, но уже невѣста; одна изъ ея сестеръ приноситъ мнѣ каждое утро кофе въ микроскопической чашкѣ, и я страшно удивляю ихъ всѣхъ, выпивая по семи или восьми подъ рядъ.

7 часовъ вечера.

Я принялся за письмо послѣ семейнаго обѣда, гдѣ мы сидѣли по-турецки за маленькимъ круглымъ столомъ на десять персонъ. Меню состояло изъ семи блюдъ, изъ которыхъ въ четырехъ фигурировала баранина подъ разными соусами. Въ концѣ обѣда я предложилъ

своимъ хозяевамъ шоколаду, который они увидѣли въ первый разъ и долго колебались отвѣдать этой черной смѣси, пока я не подалъ имъ примѣра, и вскорѣ они уничтожили весь мой запасъ, повторяя хоромъ: „хорошо—добро"!

Только изъ газетъ, присланныхъ изъ Бухареста, мы узнали фамиліи убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Извѣстія изъ подъ Плевны становятся все утѣшительнѣе. 28 Октября генералъ Скобелевъ взялъ непріятельскую позицію, извѣстную подъ именемъ „Зеленыхъ высотъ" и укрѣпился тамъ въ ночь съ 29-го на 30-е, не смотря на усилія турокъ взять ее обратно.

9 Ноября.

Командиръ полка выздоровѣлъ, и мы снова переѣхали на „снѣжный бивакъ". Я побывалъ у нашихъ добрыхъ хозяевъ, чтобы поблагодарить ихъ за гостепріимство. Они были очень рады увидѣть „братушку Роберто". Мы ежедневно подолгу сидимъ въ здѣшней кофейнѣ

и бѣседуемъ о политикѣ съ нашими братьями болгарами. Мѣстный антекарь сначала возмущалъ насъ своими постоянными разговорами о Бисмаркѣ, но потомъ оказалось, что онъ нѣмецъ, тоже докторъ философіи, и недавно почему то свилъ себѣ здѣсь гнѣздо. Держу пари, что даже на лунѣ найдутся нѣмецкіе доктора философіи!

Сейчасъ узналъ, что для обезпеченія Плевненскаго обложенія генералъ Гурко хочетъ завладѣть главными проходами Балкановъ и, перейдя ихъ, взять Софію, гдѣ сосредоточились войска Махмета-Али.

Что касается Шакира-паши, растерявшаго свои сухари на Софійскомъ шоссе, онъ остановился на той же дорогѣ, среди горъ, въ Орханіэ, выдвинувъ хорошо укрѣпившійся авангардъ къ д. Правецъ, междуОрханіэ и Этрополемъ, занимаемымъ Мустафой-пашей съ семью таборами *). Генералъ Гурко хочетъ взять одновременно Правецъ и Этрополь. На нашу долю, въ день атаки этихъ двухъ пунктовъ, выпадетъ

*) Таборъ почти равнялся нашему баталіону.

демонстрація на лѣвый флангъ турецкихъ позицій для отвлеченія ихъ силъ къ Новачину, Скривено и Лютакову.

12 Ноября.

Богъ хранитъ нашъ полкъ и далъ намъ неопровержимое доказательство этого. Мы должны были выступить 10-го къ Новачину для задуманной демонстраціи, когда пришла отмѣна приказанія, и вмѣсто насъ послали три эскадрона Конно-гренадеръ, три эскадрона лейбъ-Драгунъ и 2-ю Гвардейскую конную батарею.

Въ ночь на 11 числа пришла ужасная вѣсть, что цѣлый эскадронъ Драгунъ съ двумя орудіями былъ окончательно вырубленъ черкесами, поддержанными низамомъ.

Встрѣченные неожиданной атакой съ фронта и фланга, драгуны стали шагъ за шагомъ отступать черезъ извилистое дефиле, выдерживая въ теченіе трехъ часовъ одновременныя атаки двухъ турецкихъ батальоновъ и четырехсотъ черкесовъ. Отступленіе затрудня-

лось еще болѣе тѣмъ, что узкая дорога была загромождена телѣгами и скотомъ бѣгущихъ болгаръ. Въ самую критическую минуту черкесы захватили орудіе, вся прислуга котораго была изрублена; другое было сброшено въ пропасть. Остатки геройскаго отряда продолжали боротьея, пока не подоспѣли Конно-Гренадеры, прикрывшіе отступленіе. Изъ двѣнадцати офицеровъ двое только вышли невредимы, трое было убито, и тѣла ихъ найдены совсѣмъ раздѣтые. Ихъ хоронятъ въ ту минуту, какъ я пишу эти строки.

Всю ночь мы были на ногахъ, лошади подъ сѣдлами, палатки и вещи уложены—въ ожиданіи атаки турокъ на Врацу.

Одиннадцать часовъ вечера. Небо усѣяно звѣздами, морозный вѣтеръ грозитъ снести наши палатки, къ счастью обледенѣвшія отъ снѣга. Въ нѣсколькихъ стахъ саженей отъ насъ—поднимается цѣпь Балканъ, похожая на гигантскую тучу. Луна освѣщаетъ этотъ зимній пейзажъ, и ея лучи придаютъ домамъ Врацы какой то прозрачный, бѣловатый оттѣнокъ, производящій чудное впечатлѣніе. Гдѣ то въ да-

лекѣ грохочатъ пушки; на меня это производитъ столько же впечатлѣнія, какъ если бы рядомъ играли на роялп.

Новость о взятіи Карса произвела замѣчательное впечатлѣніе на войска.

Относительно Плевны все задается вопросъ: сдастся она или нѣтъ? Комеровскій съ докторомъ давно уже спятъ, я же никакъ не могу уснуть; похоронный маршъ драгунъ все раздается у меня въ ушахъ.

ГЛАВА V.

На рекогносцировкѣ.

Лютаково.

14 Ноября

Полковникъ Остроградскій съ двумя эскадронами отправился вчера утромъ въ Дерманицу, (на полъ-дорогѣ между Врацей и Новачинымъ), чтобы дѣйствовать на нашемъ правомъ флангѣ.

Меня съ двумя товарищами послали присоединиться къ дивизіону: хоть мы и не безъ сожалѣнія покинули Врацу, но всѣ горѣли желаніемъ мести за товарищей—драгунъ и надѣялись блестящими подвигами заслужить Георгіевскіе кресты.

Въ три часа мы добрались до Дерманицы.

Полковникъ очень любезно насъ принялъ, пригласилъ обѣдать и каждому далъ спеціальную инструкцію.

Мнѣ приказано было отправиться въ Реберково и отыскать поручика Рудь, занимавшаго со взводомъ гусаръ то самое ущелье, гдѣ разыгралась вчерашняя катастрофа. Туда я пріѣхалъ ночью, а на другое утро былъ посланъ съ шестью гусарами на рекогносцировку страшнаго ущелья; день выдался холодный, но прекрасный. Мы шли справа по одному, шагомъ, то по скользкой тропинкѣ вдоль оврага, то по льду замерзшаго потока и вскорѣ встрѣтили нашъ постъ, помѣщавшійся въ маленькомъ, покинутомъ домѣ. Давъ здѣсь немного отдохнуть людямъ, я ориентировался по картѣ и взялъ направленіе на Новачинъ. Мало по малу тропинка расширялась, и мы взъѣхали на гребень высокой горы, командующей надъ широкой долиной, и передъ нами открылась вся снѣжная цѣпь Годжа-Балканъ.

Въ разщелинѣ одной скалы мы замѣтили стаю коршуновъ, слетѣвшихся, какъ будто на совѣтъ; наше приближеніе ихъ нисколько

не испугало. Немного далѣе въ кустахъ лежалъ трупъ турка, молодого человѣка съ проломленымъ черепомъ и обнаженною грудью, около него голодныя собаки грызлись изъ за окровавленныхъ внутренностей палой лошади. Еще далѣе восемъ убитыхъ драгунъ, на половину обнаженныхъ, покрытыхъ множествомъ ранъ, лежали на краю оврага, наполненнаго разбитыми лафетами, лошадьми и человѣческими останками.

Я содрогнулся, встрѣтивъ неподвижные взгляды мертвецовъ. Мои гусары были блѣдны, какъ смерть. Мы перекрестились и, пробормотавъ короткую молитву, продолжали нашъ путь въ глубокомъ молчаніи, время отъ времени нарушавшимся зловѣщимъ крикомъ коршуна.

Я понялъ вчерашнюю катастрофу и неосторожность нашихъ драгунъ, которыхъ только ихъ геройская храбрость спасла отъ полнаго уничтоженія.

Мы подвигались впередъ со всѣми предосторожностями, осматривая каждую скалу, каждый кустъ. Вдругъ ѣхавшій впередъ гусаръ остановился и повернулъ назадъ.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

Не отвѣчая, онъ указалъ мнѣ на горы, показавшіяся ему подозрительными, и я ясно различилъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ на опушкѣ лѣса. Оказалось, что это были болгары, скоро насъ окружившіе: они бросались на колѣна, цѣловали намъ руки и ноги, даже кусались отъ восторга, такъ что я себѣ серьезно задавалъ вопросъ, не были ли бы ласки турецкой пули предпочтительнѣй контузіи болгарскаго поцѣлуя.

Никого не встрѣтивъ, мы достигли деревни Новачина и я, остановивъ людей при входѣ, съ однимъ гусаромъ двинулся дальше. Деревня была покинута жителями; проѣхавъ ее насквозь я очутился передъ возвышанностью, окаймленной цѣпью горъ, подобной только что нами пройденной. Я направилъ туда бинокль и скоро различилъ на горахъ редуть и укрѣпленный лагерь, палатки котораго сверкали на на солнцѣ. Вдругъ раздались крики: „черкесы, черкесы!“ Наши братушки разсыпались въ стороны, какъ зайцы, и я увидѣлъ, что мои люди отступаютъ большой рысью. Я счелъ себя по-

гибшимъ, такъ какъ путь отступленія мнѣ былъ отрѣзанъ, и спрятался за стѣной одного дома, откуда сталъ смотрѣть въ щель, не будучи самъ видимъ.

Человѣкъ двадцать черкесовъ подъѣхали къ тому самому мѣсту, откуда отступили мои гусары; тутъ они остановились, совѣтуясь объ чемъ то, и повернули назадъ. Какъ только они достаточно далеко отъѣхали, я вышелъ изъ за закрытія и карьеромъ поскакалъ къ своимъ, но стукъ копытъ о камни и звонъ сабли выдалъ меня врагамъ, и они бросились вслѣдъ. Началась головоломная скачка, призомъ въ которой являлась моя жизнь. Пули засвистѣли мимо моихъ ушей; меня уже догоняли, когда я въ отчаяніи быстро повернулся и выстрѣлилъ изъ револьвера въ ноздри ближайшей лошади: всадникъ вмѣстѣ съ ней повалился землю. Благодаря этой неожиданной удачѣ, я немного выигралъ въ пространствѣ и присоединился къ своимъ, которыхъ нашелъ засѣвшими за скалой съ заряженными ружьями, готовыхъ дорого придать свою жизнь...

По числу видѣнныхъ мной палатокъ я опре-

дѣлилъ силу отряда приблизительно въ четыре тысячи человѣкъ. Мы провели всю ночь въ этомъ опасномъ сосѣдствѣ довольно спокойно, если не считать нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, пущенныхъ въ насъ отдѣльными мародерами.

На слѣдующее утро полковникъ Остроградскій произвелъ въ этомъ направленіи большую рекогносцировку. Я поѣхалъ впереди съ однимъ отдѣленіемъ показывать дорогу отряду и приготовился къ горячей стычкѣ съ черкесами, засѣвшими въ лѣску близъ тропинки, по которой мы двигались, но при нашемъ приближеніи они сочли за лучшее обратиться въ бѣгство, и нашъ эскадронъ дошелъ до гласиса турецкихъ редутовъ. Мы уже стали толкать лошадей въ траншеи, когда вдругъ ружейные залпы были открыты по всей линіи непріятельскихъ укрѣпленій. Кони стали пятиться, взвиваться на дыбы и не подавались впередъ, со своимъ я никакъ не могъ справиться; онъ все бросался въ стороны, пока его не остановила граната, врывшаяся у самыхъ

ногъ лошади и обдавшая насъ пескомъ и снѣгомъ; къ счастью она не разорвалась.

Возвратившись назадъ въ деревню, мы встрѣтили бригаднаго командира графа де-Бальмена съ драгунами, конно-гренадерами и 2-й гвардейской конной батареей. Онъ сообщилъ намъ, что генералъ Гурко овладѣлъ Правецкой позиціей между Орханіэ и Этрополемъ.

Вечеромъ меня позвали къ графу, гдѣ онъ далъ мнѣ пакетъ для врученія генералу Эллису I-му въ Правецѣ и записку командующему Лейбъ Гв. Гусарскимъ Его Величества полкомъ Барону Мейендорфу, котораго я долженъ былъ встрѣтить дорогой.

„Поѣзжайте сейчасъ же и, какъ можно скорѣе, возвращайтесь, прибавилъ генералъ, такъ какъ безъ приказаній генерала Эллиса я не буду знать, какъ завтра дѣйствовать.

Я направился къ лошади уже третій день посѣдланной, и выѣдавшей торбу съ пшеницей въ обществѣ своихъ товарищей. Гусарамъ разрѣшено было разложить костры, и, сидя у огня, они покуривали, разговаривая съ братушками.

Все что я зналъ о предстоявшемъ мнѣ пути, это что Правецъ находился на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, но не имѣлъ никакого представленія о дорогѣ къ нему. Я спросилъ одного изъ сидѣвшихъ у огня болгаръ:

— Знаешь ли ты дорогу на Правецъ?

— Знаю братушка: Правецъ отсюда въ двадцати пяти верстахъ.

— Проводи меня туда.

— Нѣтъ, братушка нѣтъ, тамъ черкесы, отвѣчалъ онъ понуро.

Я предлагалъ ему денегъ, показывалъ кулакъ, угрожалъ нагайкой—ничто не помогло. Въ эту минуту подошли двое другихъ болгаръ—свидѣтели нашего спора и объявили, что за хорошую плату, они меня проводятъ? „За два рубля“, прибавили они. Я поспѣшилъ согласиться, далъ имъ денегъ, и мы пустились въ путь.

Лошадь моя едва двигалась, и ночная прогулка видимо была ей совсѣмъ не по вкусу. Ночь выдалась темная, ни одной звѣзды на небѣ. Мы двигались по каменистой, узкой, обры-

вистой трошинкѣ, когда вдругъ три конныхъ фигуры приблизились къ намъ.

— Кто идетъ? закричалъ я, останавливаясь.

— Разъѣздъ, отвѣчали мнѣ, а ты кто?

— Гродненскій гусаръ.

Меня пропустили, но тутъ я замѣтилъ, что мои проводники со страха спрятались въ кукурузу. Я началъ ихъ звать: наконецъ, они явились, трясясь со страха, такъ какъ думали, что это были черкесы.

— Ахъ вы, трусы, впередъ!

Край красной луны выползъ изъ за облака, и слабый свѣтъ ея освѣтилъ немного таинственную тьму, насъ окружавшую.

Снова конныя фигуры загородили намъ дорогу.

— Кто идетъ?

Отвѣта не было.

— Кто идетъ! закричалъ я еще громче. Въ отвѣтъ на мои слова раздался выстрѣлъ, и пуля просвистѣла мимо уха, за нимъ послѣдовали второй и третій, и при вспышкахъ огня я могъ разсмотрѣть трехъ черкесовъ,

оставшихся на дорогѣ, и нѣсколькихъ въѣзжавшихъ въ кусты.

. . . . . .

. . . . . .

Какъ, вы еще не уѣхали? строго обратился ко мнѣ полковникъ Остроградскій въ ту минуту, когда я слѣзалъ съ лошади у бивачнаго костра.

— Поѣхалъ и вернулся, господинъ полковникъ. Дорога загорожена черкесами, которые по мнѣ стрѣляли. Проводники мои бѣжали, да и самъ я, кажется, такъ какъ нахожусь здѣсь.

— А конвой?

— Какой конвой?

— 6 человѣкъ, которые съ вами были.

— Я былъ одинъ, никто о нихъ мнѣ ни слова не сказалъ.

— Вы шутите, я самъ приказалъ барону Бистрому дать вамъ шесть человѣкъ. Возьмите ихъ сейчасъ же, и въ дорогу. Вы оставите ихъ на бивакѣ гусаръ Его Величества, гдѣ вамъ дадутъ другихъ, я сообщаю объ этомъ полковнику барону Мейендорфу въ письмѣ, которое вы ему отдадите.

Я тотчасъ же отправился, забралъ шесть гусаръ, и мы пустились въ путь на этотъ разъ безъ болгаръ, при чемъ одинъ изъ моихъ спутниковъ увѣрилъ, что знаетъ дорогу.

Братушки были дѣйствительно плохими проводниками, такъ какъ черезъ два часа мы доѣхали безпрепятственно до какой то рѣчки, перейдя ее въ бродъ, и совсѣмъ вблизи увидѣли бивачные огни: это были гусары Его Величества. Здѣсь меня провели къ командиру полка, лежавшему на сѣнѣ близь большаго костра изъ хвороста. Я передалъ ему письмо, которое тотъ быстро прочелъ.

— Невозможно, воскликнулъ онъ, я не могу дать вамъ конвоя: люди утомлены до нельзя; мы не разсѣдлывали и не спали три дня! Къ тому же вы легко найдете дорогу, я вездѣ разставилъ аванпосты, до перваго поста васъ проводятъ, а тамъ, Богъ дастъ, какъ нибудь доберетесь. Сегодня мы взяли Орханіэ; мой адъютантъ графъ Бобринскій тяжело раненъ, я этимъ страшно огорченъ.... Если хотите чаю, вѣстовой вамъ подастъ. А теперь прощайте! съ этими словами полковникъ за-

крылся съ головой пальто и вскорѣ заснулъ.

Чашка горячаго чая немного утѣшила меня въ отказѣ. Оставивъ своихъ гусаръ на бивакѣ, я пустился въ путь съ провожатымъ до перваго поста. При выходѣ изъ деревни мы попали прямо во болото, гдѣ рисковали совсѣмъ остаться.

— Что за чертъ! вскричалъ мой проводникъ, я не могу найти дороги: слишкомъ темно, вернемся на бивакъ и подождемъ разсвѣта.

Пришлось уступить его требованію и вернуться, но въ то же время я вспомнилъ, что обѣщалъ привезти приказаніе какъ можно скорѣе, и было немыслимо ждать восхода солнца. Я перемѣнилъ свою лошадь, совсѣмъ разбитую на ноги, на одну изъ конвоя и, обратившись къ одному изъ унтеръ-офицеровъ, предложилъ ему червонецъ, если онъ покажетъ мнѣ дорогу въ Правецъ.

Тотъ согласился, мы отправились и, обойдя грозившее мнѣ гибелью болото, достигли моста, на который лошади не захотѣли идти. Пришлось слѣзть и тащить свою за узду, и только послѣ многихъ усилій и понуканій удалось

перевести ее на другую сторону. Садясь, я съ изумленіемъ замѣтилъ, что мой спутникъ исчезъ.

— Хоть бы предупредилъ, подумалъ я, вздыхая, тѣмъ не менѣе былъ уже и тѣмъ доволенъ, что попалъ на хорошую дорогу, по которой смѣло двинулся далѣе. Но, увы, передъ мной была каменистая, скользкая, окруженная скалами и обрывами тропинка. На каждомъ шагу лошадь останавливалась и упиралась идти дальше, и каждый разъ нужно было слѣзать, чтобы, такъ сказать, ощупать дорогу. Это пришлось повторять такъ часто, что потомъ я уже не садился и шелъ, ведя лошадь въ поводу. Не помню, сколько времени я такъ путешествовалъ разбитый усталостью и безсонницей, засыпая на ходу, не зная, гдѣ я находился, не сознавая куда двигался, когда неожиданно красноватый свѣтъ у подножія дерева, шагахъ въ пятидесяти возбудилъ мое вниманіе. Я осторожно подошелъ ближе и къ величайшей радости увидѣлъ гусарскій постъ. Часъ спустя. я достигъ Правеца, который сверкалъ издали, подобно большому городу, освѣщенный тысячами огней.

Бригада пѣхоты стояла тамъ бивакомъ. Я спросилъ, гдѣ генералъ Эллисъ. Мнѣ отвѣчали, что онъ только что уѣхалъ въ Орханіэ, сегодня занятое нашими войсками. „Отсюда двѣнадцать веретъ, прямо по большой дорогѣ“, добавилъ солдатикъ.

Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ я нагналъ группу всадниковъ, оказавшуюся свитой генерала Эллиса. Подъѣхавъ къ нему, я отдалъ пакетъ.

— „Хорошо; проговорилъ онъ: ступайте за мной, я прочту донесеніе въ Орханіэ“. Стоило мнѣ такъ спѣшить догонять его.

Тутъ я совсѣмъ пересталъ понимать, что вокругъ меня происходитъ. Тысячи огней засверкали у меня передъ глазами, мнѣ представился залитый свѣтомъ соборъ, длинный рядъ блестящихъ колоннъ, и шествіе священниковъ въ свѣтлыхъ ризахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Какъ вдругъ раздавшееся проклятіе заставило быстро исчезнуть видѣніе: одинъ изъ всадниковъ провалился въ яму: ему тоже, должно быть, что нибудь причудилось.

Мы въѣхали въ Орханіэ по широкой улицѣ, застроенной громадными житницами и сараями. Генералъ остановился въ обширной залѣ большаго строенія, куда я за нимъ послѣдовалъ. Его адъютантъ зажегъ свѣчу и громко прочелъ донесеніе.

Эллисъ продиктовалъ отвѣтъ и, передавая мнѣ его, прибавилъ: поѣзжайте сейчасъ.

— Позвольте мнѣ конвой, ваше превосходительство!

— Конвой? Гдѣ же вашъ?

Я ему разсказалъ свои приключенія.

— Какъ мнѣ ни досадно, отвѣчалъ генералъ, но дать вамъ конвоя я не могу. Поѣзжайте назадъ одни и какъ можно скорѣе.

— Но, ваше превосходительство, и лошадь, и я выбились изъ силъ: три ночи все въ разъѣздахъ.

— Ну, хорошо отдохните съ часъ.

Теперь четыре, поѣзжайте въ пять; если хотите, ложитесь здѣсь.

— А моя лошадь, ваше превосходительство?

— Ну, тогда отдыхайте гдѣ хотите, но только чтобы черезъ часъ васъ и слѣдъ простылъ.

Дворъ, куда я направился, былъ полонъ людьми и лошадьми; здѣсь расположилась вся свита генерала; уланы, гусары и казаки. Напоивъ свою лошадь и давъ ей немного пшеницы, я вмѣшался въ толпу солдатъ, въ надеждѣ отыскать у нихъ сухарей или хлѣба. Какой то казакъ, чинившій сапоги, привѣтствовалъ меня обычнымъ „здорово“, я отвѣчалъ ему тѣмъ же.

— Откуда пріѣхалъ?

— Изъ Новачина.

— Зачѣмъ?

— Съ приказаніемъ отъ бригаднаго.

И вопросы посыпались безъ конца: кто я такой, какъ моя фамилія, какъ зовутъ мою лошадь, какого полка, кто командиръ и т. п. Потомъ показавъ на ноги, онъ прихвастнулъ.

— Вотъ такъ сапоги, я ихъ у одного турки снялъ, щеголь, каналья, былъ.

— Нѣтъ ли у тебя хлѣбца? попросилъ я.

— Сейчасъ посмотрю, и онъ сталъ выворачивать громадные карманы шароваръ, откуда

посыпалась всякая всячина: ножъ, дратва, кусокъ матеріи, свертки табаку, чаю, сахару и, наконецъ, на мое счастье, сухарь, весь черный.

— На, проговорилъ онъ.

Я съ признательностью принялъ принесшіе, напился воды, съѣлъ сухарь и тотчасъ же заснулъ на соломѣ.

Когда я проснулся, уже разсвѣло.

Было уже около семи часовъ, и я, быстро осѣдлавъ лошадь, выѣхалъ изъ города. Наши гусары ожидали меня съ безпокойствомъ на мѣстѣ бивака гусаръ Его Величества, которые уже ушли, и меня охватилъ страхъ при мысли, что я явлюсь слишкомъ поздно.

Густой туманъ покрывалъ берегъ рѣки, которую мы ночью перешли въ бродъ, и изъ за него чуть виднѣлся мостъ, а возлѣ него конная группа. „Черкесы„! предупредили меня спутники.

А, чертъ ихъ дери! и мы двинулись впередъ большой рысью. Подозрительные всадники скоро исчезли въ туманѣ. Наконецъ, показался Новачинъ. Я издали узналъ графа де-Бал мена, окруженнаго свитой на холмѣ, съ бинок-

лемъ въ рукахъ; на нашемъ лѣвомъ флангѣ раздавались пушечные выстрѣлы. Замѣтивъ меня, генералъ двинулся ко мнѣ на встрѣчу, размахивая руками.

— Отчего вы опоздали? закричалъ онъ строго.

Я началъ докладывать о трудности пути, но онъ уже былъ далеко, приказывая что-то своему адъютанту.

Я дотащился до первой избы и, бросившись на лавку, не снявъ даже сабли, заснулъ тяжелымъ сномъ. Между тѣмъ въ это же утро, 17 Ноября, нашъ эскадронъ, съ барономъ Бистромомъ во главѣ, занялъ деревню Лютаково, выбивъ оттуда черкесовъ.

Проснувшись на другой день я увидѣлъ, что Новачинъ былъ оставленъ полкомъ; даже мою лошадь и ту увели, и мнѣ пришлось присоединиться пѣшкомъ къ эскадрону въ Лютаковѣ. Здѣсь разставлены наши аванпосты въ виду двухъ непріятельскихъ редутовъ: Мерево и Писенко-дей, какъ ихъ именуютъ болгары. Турки стрѣляютъ по насъ съ правильными промежутками.

ГЛАВА VI.

На аванпостахъ.

Лютаково.
9 Ноября.

Графъ и я, добрались до контръ-эскарпа редута „Мерево“ и услышали уже турецкій говоръ, когда скрытый гдѣ то часовой выстрѣлилъ по насъ и заставилъ убраться во свояси. Первая попытка повлекла за собой слѣдующія, что называлось у насъ — брать уроки турецкаго языка, и мы съ каждымъ днемъ дѣлали замѣтные успѣхи.

20 Ноября.

Сегодня утромъ батарея генерала Эттера обстрѣливала редутъ; къ двѣнадцати часамъ

подошли драгуны съ четырьмя орудіями и хотѣли взять приступомъ „Мерево“, но сильный огонь турокъ заставилъ ихъ отойти. Мы также перенесли бивакъ за деревню, такъ какъ шрапнели и гранаты лопались между людьми и лошадьми; офицеры расположились по избамъ, солдаты въ палаткахъ.

23 Ноября.

Служба, которую мы теперь несемъ, становится все тяжелѣе и монотоннѣе. Черезъ день мы стоимъ на аванпостахъ въ теченіе сутокъ, а остальное время занимаемся опасными рекогносцировками въ горахъ къ сторонѣ Софіи, по непроходимымъ почти дорогамъ.

По ночамъ я брежу блестящими подвигами и торжественнымъ вступленіемъ въ Софію съ однимъ лишь разъѣздомъ, но днемъ, посреди обледенѣлыхъ горъ, охотно отказываюсь отъ химерическихъ предпріятій и радъ радешенекъ, когда здравъ и невредимъ возвращаюсь вечеромъ на бивакъ.

Выносливость нашихъ гусаръ граничитъ съ героизмомъ: не смотря на холода и мятели, не слышно отъ нихъ ни одной жалобы; они еще подсмѣиваются надъ плохими турецкими стрѣлками, которымъ не удостоиваютъ отвѣчать. По ночамъ всѣ просятся въ секретъ и страшно счастливы, когда столкнутся носомъ къ носу съ турками.

Мы не можемъ понять, почему они безъ сопротивленія позволяютъ намъ занимать богатыя деревни, гдѣ можно найти массу съѣстныхъ припасовъ, и фуража, и не дѣлаютъ даже попытокъ выбить насъ оттуда. Должно быть, они не знаютъ нашихъ силъ, ничтожныхъ въ сравненіи съ турецкими, ибо у насъ всего два эскадрона, и то растянутыхъ по линіи аванпостовъ, съ разъѣздами по деревнямъ, дабы препятствовать туркамъ производить въ нихъ фуражировки, такъ что намъ постоянно приходится быть на сторожѣ, что очень утомляетъ людей, и эта аванпостная служба кончится только со взятіемъ Плевны, которая, кажется, никогда не сдастся.

Воскресенье, 25 Ноября.

Пролежалъ все утро на курганѣ въ обществѣ болгарской собаки—вѣрнаго моего спутника уже нѣсколько дней, и наблюдалъ въ бинокль за жизнью турокъ въ укрѣпленіяхъ. Они, повидимому, скучаютъ не менѣе насъ, много курятъ и пьютъ кофе, сидя на корточкахъ у огней. Одинъ изъ часовыхъ началъ по мнѣ стрѣлять, должно быть изъ развлеченія.

— Стрѣляй душа моя, сколько тебѣ угодно, не испугаешь, подумалъ я, но въ то же время счелъ безсмысленнымъ подвергать себя опасности; вставъ, чтобы пойти на другое мѣсто, я свистнулъ собаку и, такъ какъ она не двигалась съ мѣста, подошелъ поближе: она лежала мертвая съ маленькимъ кровавымъ отверстіемъ въ головѣ.

2 Декабря.

Ура! трижды ура! Плевна взята, Османъ паша сдался со всей арміей. Теперь уже скоро миръ! Мы не знаемъ еще подробностей побѣды, такъ какъ сидимъ безъ писемъ и журналовъ;

не знаемъ даже, откуда пришла эта вѣсть, но чувствуемъ, что это вѣрно, и радость этого важнаго извѣстія носится въ воздухѣ и отражается на расцвѣтшихъ лицахъ офицеровъ и солдатъ. Шефкетъ и Дервишъ паши, съ своими черными египтянами, которыхъ мы окружаемъ, должны были содрогнуться, когда наше оглушительное „ура“ и веселыя пѣсни вдругъ раздались въ ночной тишинѣ. Какъ зло было съ нашей стороны, такъ потревожить ихъ крѣпкій сонъ!

4 Декабря.

Вотъ нѣсколько подробностей взятія Плевны.

Послѣ нашихъ блестящихъ побѣдъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, Телишемъ, Врацей и Орханіэ и прибытія значительныхъ подкрѣпленій къ арміи, облагавшей Плевну, положеніе ея становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ и безнадежнымъ.

Нашъ главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ пробовалъ сначала добиться сдачи путемъ дипломатическимъ и по-

слалъ Осману-пашѣ письмо съ тремя плѣнными турками, выпущенными для этой цѣли на свободу. На другой день полученъ былъ отказъ сдаться на какихъ бы то ни было условіяхъ.

Нѣсколько дней спустя былъ посланъ въ Плевну пакетъ съ надписью: „Его Превосходительству Осману Пашѣ отъ генерала Гурко;“ въ немъ заключались три номера „Times“ съ описаніемъ взятія Карса. Отвѣта на это не послѣдовало. Черезъ три дня, 13 Ноября, опять послали парламентера со вторымъ письмомъ, требовавшимъ сдачи; отвѣтомъ геройскаго защитника былъ вторичный отказъ сдаться, столь же категоричный, какъ и первый.

— „Я вполнѣ соглашаюсь, писалъ Османъ, съ гуманными мотивами, внушившими сдѣланное мнѣ предложеніе, но, какъ мнѣ кажется, въ данную минуту я не истощилъ еще всѣхъ средствъ къ борьбѣ“. Наконецъ 19 Ноября къ нашей аванпостной цѣпи на Зеленыхъ высотахъ подъѣхалъ парламентеръ съ письмомъ Османа-паши къ Великому Князю. Въ немъ говорилось, что турецкія войска оставятъ по-

зиціи подъ Плевной, но при условіи свободнаго прохода безъ оружія частью въ Софію, частью въ Видднпъ, по усмотрѣнію Османа-паши. Послѣ краткаго совѣщанія собравшійся военный совѣтъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ капитуляція турокъ являлась лишь вопросомъ нѣсколькихъ дней; и на этомъ окончились всѣ отношенія обоихъ главнокомандующихъ. Тогда Османъ-паша рѣшился прорвать линію нашего обложенія. Продолживъ сопротивленіе, насколько то было въ человѣческихъ силахъ, онъ располагалъ продовольствіемъ только на недѣлю; кромѣ того открывшійся страшный тифъ грозилъ уничтожить всю его армію вмѣстѣ съ обитателями Плевны.

Въ ночь съ 27 на 28 Ноября, наведя черезъ рѣку Видъ возлѣ каменнаго моста второй, деревянный, чтобы ускорить сосредоточеніе войскъ на лѣвомъ берегу, зарывъ всѣ продовольственные припасы, заклепавъ крѣпостныя орудія и срывъ траншеи, соединявшія укрѣпленія съ лѣвымъ берегомъ рѣки, Османъ-паша предпринялъ грандіозную вылазку. Для этого онъ раздѣлилъ свои войска на два кор-

пуса: 20,000 человѣкъ должны были открыть себѣ проходъ, атакуя русскія укрѣпленія, находившіяся въ пяти верстахъ отъ береговъ рѣки Вида; второй корпусъ, той же численности, долженъ былъ оставаться у рѣки и двигаться лишь черезъ два часа по вступленіи въ бой перваго корпуса.

Въ 8 часовъ утра густыя массы турецкой пѣхоты стали спускаться съ Плевненскихъ высотъ и потянулись къ двумъ мостамъ.

Главные караулы нашихъ гренадеръ придвинулись къ цѣпи, и тотчасъ же было дано знать о движеніи турокъ генералу Ганецкому. Сигнальная ракета взвилась въ воздухѣ, и по всей нашей линіи барабаны забили тревогу. Закаленные въ долгой осадѣ, Плевненскіе герои шли четыре версты въ порядкѣ, съ ружьями на перевѣсъ, все ускоряя шагъ, подъ бѣглымъ огнемъ, не отвѣчая ни однимъ выстрѣломъ. Атаку велъ лично Османъ-паша; съ криками „Аллахъ"! турки бросились въ наши траншеи и завязали рукопашную съ Сибирскими гренадерами. Оттуда они устремились на 8-ми орудійную батарею 3-й гренадерской ар-

тиллерійской бригады, завладѣли ею, и первая линія нашихъ укрѣпленій была прорвана. Тогда только Османъ замѣтилъ свою ошибку, что не ввелъ ранѣе въ дѣло второго корпуса, стоявшаго у береговъ Вида, тѣмъ не менѣе онъ не остановился и устремилъ свой натискъ на нашу вторую линію траншей, гдѣ захватилъ два орудія. Въ эту минуту на выручку Сибирцевъ подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій полкъ, а къ 10 часамъ и другія части, и турки были выбиты штыками изъ нашихъ обѣихъ линій, причемъ, возвративъ назадъ свои орудія, войска наши овладѣли семью турецкими, перевезенными по сю сторону рѣки.

Обѣ арміи остановились и разстрѣливали другъ друга въ четырехъ стахъ шагахъ: Османъ поджидалъ свои двадцать тысячъ, а генералъ Ганецкій прибытія 3-й гренадерской дивизіи. Какъ вдругъ распространился слухъ, что Османъ-паша убитъ: турецкими войсками овладѣла паника, и тѣ самые геройскіе баталіоны, которые съ фанатизмомъ бросились на наши траншеи, въ безпорядкѣ отступили черезъ рѣку. Наши войска ихъ преслѣдовали,

перейдя рѣку взлѣзли на высоты и устремились на турецкіе редуты, гарнизонъ которыхъ сдался почти безъ сопротивленія.

Въ то же время какъ происходило сраженіе на лѣвомъ берегу Вида, остальныя части нашей арміи обложенія, подъ начальствомъ барона Криденера, Зотова, Каталея и румынскій корпусъ, подъ командою генерала Серно, двинулись на сѣверный, западный и южный фронты турецкихъ укрѣпленій, большая часть которыхъ была уже очищена непріятелемъ, и вскорѣ городъ Плевна былъ занятъ въ присутствіи Великаго Князя. По занятіи города войскамъ приказано было двигаться къ рѣкѣ Виду и сосредоточиться на высотахъ, командующихъ надъ рѣкой, близъ Софійскаго шоссе. Къ часу дня непріятельская армія была совсѣмъ прижата въ уголъ между укрѣпленіями и рѣкой, и канонада продолжалась все время.

Османъ-паша, только раненый, не могъ продолжать борьбу, и его непобѣдимая, до сихъ поръ, армія должна была сдаться; тѣмъ не менѣе онъ все еще какъ будто колебался.

Но вотъ страшное „ура“ потрясло воздухъ: парламентерскій флагъ былъ выкинутъ турками безъ вѣдома ихъ начальника.

На полдорогѣ между Видомъ и деревней Плевной встрѣтился Великій Князь съ Османомъ-пашей.

Послѣ нѣсколькихъ безмолвныхъ мгновеній обоюднаго созерцанія, Великій Князь горячо пожалъ руку своего противника, котораго съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривала собравшаяся толпа офицеровъ.

На слѣдующій день произошло представленіе Османа-паши Государю, который сказалъ: „Какъ доказательство моего уваженія къ вашей храбрости, я возвращаю вамъ вашу саблю.“

На вопросъ Государя, извѣстно ли ему было о взятіи Врацы, Правеца, Етрополя и занятіи Орханіэ, Османъ отвѣчалъ, что послѣ кровопролитнаго боя подъ Дубнякомъ, т. е. въ теченіе сорока одного дня, ни одного извѣстія не проникло въ Плевну.

5 Декабря.

Увы, мы все еще у Лютакова и съ паденіемъ Плевны ищемъ возможности попасть въ Софію. Увижу ли я ее наконецъ, хотя дорогу туда знаю почти наизусть: всѣ малѣйшіе ея изгибы, камни, канавы телеграфные столбы.

Такъ что, если при нашемъ движеніи впередъ вы не будете знать, куда писать, адресуйте на Софійское шоссе.

Питаемся мы, какъ придется, больше плохимъ хлѣбомъ и молокомъ, и нерѣдко наши скромные обѣды приправляются взрывами гранатъ, вмѣсто жаркого.

Всѣ мои вещи остались во Врацѣ, и у меня съ собой шинель, двѣ шелковыхъ рубашки, салфетка и два носовыхъ платка. Нѣсколько дней я проболѣлъ, но взятіе Плевны меня подняло на ноги, и, хотя я похудѣлъ и ослабъ, но доволенъ и счастливъ безконечно.

7 Декабря

Сегодня неожиданно явился въ Лютаково нашъ полковой портной, старый Данилка; это

цѣлое событіе. Шесть недѣль тому назадъ онъ выѣхалъ изъ Варшавы и явился теперь на Балканы чинить наши доломаны; онъ привезъ мнѣ поклоны отъ моей старой ключницы, которая просила меня разцѣловать, если я еще не на томъ свѣтѣ.

— „А въ Варшавѣ, прибавилъ, смѣясь, портной, думаютъ, что всѣхъ васъ перебили!“

9 Декабря.

Вотъ уже десять дней, какъ Плевна пала, а у насъ все по прежнему. Турки держатся въ горахъ, гдѣ ихъ союзникомъ явилась природа: выпалъ глубокій снѣгъ, и дороги стали совсѣмъ непроходимы. Генералъ Гурко занимаетъ Орханіэ, къ нему присоединился Крюденеръ съ корпусомъ, пришедшимъ изъ подъ Плевны и предназначеннымъ вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ къ занятію Румеліи.

15 Декабря.

Принцъ Альтенбургскій съ двумя эскадронами, стоявшими во Врацѣ, присоединился раз-

дѣлять нашу скуку, такъ какъ, повѣрьте, нѣтъ ничего веселаго созерцать цѣлый мѣсяцъ тѣ же редуты, занимать одни и тѣ же посты, и видѣть однѣ и тѣ же болгарскія рожи, которыя въ особенности мнѣ дѣйствуютъ на нервы, прикидываясь жертвами и жалобно причитая: „братушки“. По моему всѣ они хищники, подлецы, жестоки и плуты: я убѣжденъ, что они продаютъ насъ туркамъ. Какъ бы хорошо было перевѣшать всѣхъ братушекъ и пришкарманить Болгарію вмѣсто того, чтобы ее освобождать.

По болѣзни я перебрался въ несчастный домишко, невѣроятно грязный, съ мокрыми отъ сырости стѣнами, земляннымъ поломъ и окнами, заклеенными вмѣсто стеколъ грязно-желтой бумагой, почти не пропускающей свѣта; сплю на землѣ, самъ готовлю обѣдъ и мою бѣлье. И скучно, и грустно до невозможности! Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служитъ маленькій томъ Альфреда де-Мюссе, который я случайно нашелъ въ сапогахъ Комеровскаго. Куда только война не загоняетъ поэзію!

Опять лихорадка и боль въ груди; я настоль-

ко боленъ, что меня хотѣли отправить въ госпиталь, но я отказался, такъ ихъ боюсь!

16 Декабря.

Сегодня ночью рота стрѣлковъ Императорской фамиліи пыталась захватить редутъ „Мерево“, но турки во время подняли тревогу и всю ночь бомбардировали нашу деревню. Ночью я долженъ былъ убраться на бивакъ, такъ какъ моя хижина превратилась въ груду щебня, и я долго оплакивалъ потерю „Мюссе“ и зубной щетки.

17 Декабря.

Нашъ начальникъ дивизіи Леоновъ, заболѣвшій всего нѣсколько дней, умеръ во время переѣзда въ госпиталь; молодой графъ Бобринскій, раненый подъ Орханіэ, также скончался. Всѣ эти новости не неволѣ дурно настраиваютъ, хотя сегодня пріятный сюрпризъ явился цѣлителемъ моихъ страданій: я получилъ посылку съ чаемъ и сахаромъ, отправленную изъ

Россіи въ концѣ Сентября и доставленную мнѣ только сегодня. Спасибо, тысяча разъ спасибо,— за неоцѣненный подарокъ. Полтора мѣсяца мы не видали чая.

Извѣстіе о посылкѣ распространилось по деревнѣ съ быстротой молніи, и я былъ осажденъ просителями. Одинъ изъ офицеровъ долженъ былъ мнѣ два куска сахара уже два мѣсяца и, сконфуженный, явился дѣлать новый заемъ. Я былъ такъ великодушенъ, что не только отсрочилъ отдачу, но далъ еще пять кусковъ. Уходя, онъ меня обнялъ: мы сдѣлались друзьями на всю жизнь.

Суббота, 18 Декабря.

Я опять ординарцемъ у принца Альтенбургскаго, съ которымъ сегодня утромъ поѣхалъ въ Новачинъ, гдѣ расположенъ бригадный штабъ. Вотъ новости, привезенныя нами оттуда. Послѣ занятія Орханіэ нашими войсками Шакиръ-паша отступилъ къ Врачешу, при входѣ въ Баба-Конакское дефиле, дабы помѣшать генералу Гурко двигаться дальше по

Софійскому шоссе. Но онъ обманулся въ своихъ расчетахъ и, тѣснимый съ фланга генераломъ Дандевилемъ, постоянно тревожимый съ фронта корпусомъ генерала графа Шувалова, Шакиръ долженъ былъ очистить Врачешъ и отступить къ Арабъ-Конаку, кульминаціонному цункту па шоссе, по южному склону Балканъ, гдѣ были сосредоточены войска Махмета-Али въ четырехъ редутахъ, дѣлавшихъ проходъ недоступнымъ съ фронта. Генералъ Гурко устроилъ тогда три заслона изъ войскъ, расположенныхъ передъ Арабъ-Конакомъ, Слатицкимъ дефиле на Этропольской дорогѣ и передъ двумя Лютаковскими редутами, а самъ двинулся съ главными силами на Софію, съ цѣлью отрѣзать путь отступленія Шакиру-пашѣ на этотъ городъ. Вторая колонна направлена на лѣвый, сильно укрѣпленный флангъ непріятеля съ цѣлью отрѣзать путь отступленія на Петричево и отвлечь вниманіе турокъ отъ главнаго пункта, на который должны обрушиться главныя силы. Какъ то выполнятъ наши войска это трудное движеніе, такъ какъ имъ придется въ сильнѣй-

шій холодъ пробивать себѣ дорогу въ горахъ взрывами динамита. Лошади и орудія съ трудомъ могутъ двигаться по дорогамъ, покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ. Кавалерійскій отрядъ нашего новаго начальника дивизіи генерала Клодта могъ сдѣлать въ первый день пути всего 7 верстъ.

ГЛАВА VII.

Переходъ черезъ Балканы.

19 Декабря.

Тревога. Турки ночью очистили редуты и мы должны ихъ преслѣдовать, но, какъ всегда безъ надежды нагнать, такъ какъ, пользуясь ночной темнотой, они уже давно исчезли.

Дѣйствительно, мы достигли Врачеша, не встрѣтивъ ни одного турка. Деревня кишѣла нашими войсками, и я съ однимъ изъ товарищей съ трудомъ могли войти въ трактиръ, биткомъ набитый солдатами разныхъ родовъ оружія, пріютившихся здѣсь отъ холода и снѣга. Единственное свободное мѣсто было на бочкѣ, на которой мы усѣлись, dos à dos, свѣсивъ ноги, и въ такомъ положеніи провели ночь въ

ужасной атмосферѣ. Завтра изъ Врачеша мы пойдемъ черезъ Балканы по Чуріакской дорогѣ.

Наша бригада теперь въ полномъ сборѣ: къ намъ присоединились уланы и идутъ впереди; на нашу же долю выпала задача прикрывать батарею и помогать ей въ случаѣ необходимости.

Чуріакская дорога представлялась очень трудно проходимой, и поэтому мы страшно обрадовались, когда бригадный адъютантъ намъ объявилъ, что непріятель очистилъ Арабъ-Конакскія высоты, вслѣдствіе чего мы можемъ двигаться черезъ горы по прекрасной, большой Софійской дорогѣ.

Но даже и по широкому шоссе путь оказался не легокъ. Движеніе по скользкимъ крутизнамъ подчасъ совсѣмъ не подъ силу лошадямъ, и мы то и дѣло спѣшиваемся, чтобы вести ихъ въ поводу.

Мы не первые переходимъ Балканы, такъ какъ долго оставались у Лютаковскихъ редутовъ, защищаемыхъ турками до послѣдней крайности. Дорога загромождена войсками, частью въ пути, частью отдыхающими въ до-

линахъ образуемыхъ расширеніемъ дефиле, гдѣ у костровъ виднѣются группы, лежащихъ въ снѣгу солдатъ.

. . . . . .

Наша артиллерія подвигается съ трудомъ; каждую минуту орудія останавливаются, и гусары должны ихъ вытаскивать; безпрерывное понуканье, щелканье нагаекъ, свидѣтельствуютъ объ усиліяхъ преодолѣть препятствія. Мы останавливаемся, чтобы перевести духъ, и любуемся этой гигантской борьбой человѣка съ природой. Чѣмъ дальше мы двигаемся, тѣмъ болѣе расширяется горизонтъ; скоро долина Орханіэ съ ея холмами и деревнями исчезаетъ изъ виду, и съ противоположной стороны развертывается величественная панорама настоящаго хаоса снѣжныхъ вершинъ, перерѣзываемыхъ глубокими ущельями и позлащенныхъ прощальными лучами заходящаго солнца. Старая Софійская дорога змѣится среди этихъ пирамидальныхъ вершинъ, обвивая одни серебряными кольцами и едва задѣвая другія .

. . . . . .

. . . . . .

Гусары, не припряженные къ пушкамъ, ведутъ лошадей своихъ товарищей, нѣкоторые по три, по четыре; бѣдныя животныя съ выгнутыми спинами поднимаются, дрожа, цѣпляясь подковами за куски льда, совсѣмъ не надежную опору. По лицамъ гусаръ струится потъ, быстро замерзающій отъ двадцати градуснаго мороза.

Во время частыхъ остановокъ солдатики раскладываютъ костры изъ разбитыхъ лафетовъ, колесъ, вѣтвей, съ опасностью срѣзаемыхъ по краямъ пропастей, утоляютъ жажду тающимъ снѣгомъ и стараются заглушить голодъ „цыгарками“ изъ клочковъ, разбросанныхъ по всей дорогѣ турецкихъ газетъ.

Издалека эти труженники похожи на копошащихся сѣрыхъ муравьевъ, то нагибающихся, то поднимающихся, волнующихся, выбивающихся изъ силъ и даже не подозрѣвающихъ, что совершаютъ истинный, геройскій подвигъ, который составитъ самыя блестящія страницы русской военной исторіи. Дѣйствительно, этотъ зимній переходъ Балканъ—лучшее свидѣтельство человѣческой энергіи, предпріятіе, рав-

ное знаменитому переходу черезъ Альпы Аннибала. Нашъ начальникъ отряда даже превзошелъ знаменитаго Карѳагеняпина, такъ какъ тому не приходилось перетаскивать черезъ горы тяжелыхъ артиллерійскихъ парковъ.

Что касается меня и моихъ товарищей, мы вовсе не думали о славѣ нашего оружія, а о морозѣ, голодѣ и безсонницѣ, пасъ ожидавшей, и гореть риса, которую я добылъ у сердобольнаго казака произвела на меня бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ все величіе нашихъ подвиговъ.

Только въ полночь достигли мы вершины Годжа-Балканъ.

Люди и лошади не были въ состояніи идти дальше, и полкъ остановился немного отдохнуть. Я присѣлъ у дороги, дрожа отъ холода, въ изнеможеніи отъ усталости; ледянымъ вѣтромъ обдавало лицо, и начиналъ чувствоваться сильный голодъ. Ничего не было удивительнаго, что морозъ давалъ себя знать: вѣдь мы находились на 8000 футъ отъ уровня моря.

Вдругъ раздался чей то веселый голосъ:

„Господа, давайте танцовать кадриль. Становитесь по парамъ. Cavaliers, à vos dames," и кто то изъ офицеровъ схватилъ меня за руку.

„Вставайте скорѣе, если не хотите замерзнуть въ этихъ проклятыхъ горахъ!"

Меня потащили на обледенѣлую площадку, загроможденную пушками и зарядными ящиками, съ двухъ сторонъ граничащую съ пропастью, и кадриль началась. Трое изъ не танцующихъ офицеровъ изображали трубачей, притопывая въ тактъ ногами.

— En avant! En arrière!

— Chaine de dames!

— Вторая фигура!

Но импровизированный оркестръ не зналъ второй и начали прямо третью, которая была прервана сигналомъ: „Садиться."

Снова заколыхалась наша колонна: предстоялъ спускъ съ горъ и, можетъ быть, еще болѣе трудный, чѣмъ подъемъ. До сихъ поръ артиллеристы и гусары, какъ настоящіе циклопы, тащили на себѣ орудія; теперь же съ трудомъ могли ихъ держать на покатости.

Колеса, не вертясь, скользили по снѣгу, и ежеминутно орудія грозили сорваться съ людьми и лошадьми въ пропасть, окаймлявшую нашу дорогу.

Скоро мы увидѣли въ двухъ тысячахъ футовъ подъ нами бивачные огни нашихъ главныхъ силъ, спустившихся въ долину 19 Декабря послѣ побѣдоносной атаки Ташкисена, Шакира и Беккера пашей, которыхъ они обратили въ бѣгство; костры казались намъ очень близко, и мы съ завистью ихъ созерцали.

Наши уланы, шедшіе въ головѣ колонны, дошли до нихъ въ три часа утра; мы же, парализованные въ движеніи орудіями, видѣли ихъ далекій блескъ всю ночь; съ зарей они мало по малу исчезли, точно блуждающіе огни, дразнившіе утомленныхъ путниковъ.

Простоявъ опять около часу на одномъ мѣстѣ, дрожа отъ холода и нетерпѣнія, я попробовалъ припрячься съ солдатиками къ пушкѣ, но, едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ, увлеченный тяжестью ея, упалъ на землю и долженъ былъ отказаться отъ непосильной задачи. Въ это время моя лошадь, трясясь всѣ-

ми членами, взъерошенная, съ испуганными глазами, скользила внизъ, почти сѣвъ на хвостъ; я поскорѣе схватилъ ее за узду и, опершись на саблю, удерживалъ изо всѣхъ силъ, но она продолжала съѣзжать, падая на бокъ и грозя совсѣмъ меня придавить. Тогда мнѣ пришла блестящая мысль: взявъ подъ мышку саблю, я схватился обѣими руками за хвостъ и послѣ многочисленныхъ толчковъ и паденій, но цѣлы и невредимы, мы съѣхали въ долину.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда наша артиллерія скатилась съ послѣдней крутизны со страшнымъ шумомъ, точно лавина, грозившая сокрушить все, попадавшееся на пути, и къ 9-ти часамъ весь нашъ полкъ былъ въ сборѣ въ долинѣ. Переходъ Балканъ нашей бригадой продолжался двадцать шесть часовъ и казался намъ безконечнымъ. Мы много натерпѣлись, но наши страданія были ничто въ сравненіи съ выпавшими на долю войскъ, намъ предшествовавшихъ, переходъ которыхъ длился 6 сутокъ. Дороги были совсѣмъ непроходимы, каждое орудіе приходилось перетаскивать на солдатскихъ спинахъ съ неимовѣрными труд-

ностями и мученіями: затѣмъ при спускѣ нужно было удерживать его канатами, обмотанными вокругъ деревьевъ и большихъ камней. Случалось, что цѣлые отдѣленія валились на снѣгъ отъ усталости и холода и, пользуясь нѣсколькими минутами разрѣшеннаго отдыха, засыпали, кутаясь въ свои историческія сѣрыя шинели. Костровъ не раскладывали, боясь привлечь вниманіе противника, питались лишь замерзшими сухарями, и зачастую по утрамъ находили солдатъ, покончившихъ свое существованіе и даже окостенѣвшихъ за ночь. Вотъ кто были настоящіе герои Балканскаго перехода! Какое величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное зрѣлище представляла наша армія, прокладывавшая въ тишинѣ себѣ дорогу черезъ снѣга и ледяныя скалы подъ блѣдными лучами декабрьскаго солнца! Не слышно даже было глухого шума, обычнаго при движеніи войскъ: всѣ звуки замирали подъ бѣлой пеленой, окутывавшей ихъ со всѣхъ сторонъ, и полки все подвигались впередъ и днемъ и глухою ночью подобно ряду таинственныхъ привидѣній!

. . . . . .

. . . . . .

Арабъ-Конакская долина, куда мы прибыли была переполнена войсками, и, только обозрѣвъ безчисленные биваки, я понялъ, какія значительныя силы перешли Балканы.

У подножія горъ находилось большое, бѣлое строеніе, „хана“, *) возлѣ котораго лежало нѣсколько труповъ низама, разбитыхъ зарядныхъ ящиковъ и палыхъ лошадей: тутъ-же виднѣлись слѣды бивака и нѣсколько палатокъ съ умирающими и ранеными турками, оставленными здѣсь на произволъ судьбы. Они смотрѣли на насъ испуганнымъ, лихорадочнымъ взоромъ. Что то съ ними сталось? Только что во дворѣ „хана“, въ сараѣ, доступномъ всѣмъ вѣтрамъ, собрались офицеры бригады, какъ въ одиннадцать часовъ пришло приказаніе двигаться дальше, такъ что мы отдыхали всего два часа.

Козпчаны.
22 Декабря.

Мѣстность къ югу отъ горъ произвела на насъ чудное впечатлѣніе: всѣ повеселѣли при

*) Корчма.

мысли, что самая трудная задача выполнена, и Балканы остались назади. Хотя дорога и была покрыта глубокимъ снѣгомъ, но погода стояла ясная, и было даже жарко сравнительно съ ледянымъ холодомъ на горахъ. То тамъ, то сямъ встрѣчались черныя и красныя пятна на снѣгу, и виднѣлись трупы отсталыхъ отъ арміи Беккеръ-паши, приколотыхъ преслѣдовавшими казаками. Справившись по картѣ, я увидѣлъ, что до Софіи осталось всего 15 верстъ. Вскорѣ мы услышали перестрѣлку; потомъ оказалось, что генералъ Раухъ форсировалъ переправу черезъ рѣку Искеръ у Враждебно и отбросилъ 3 табора съ 6 орудіями къ Софіи.

Ночь близко приближалась; издалека виднѣлось пламя подожженнаго турками Враждебно, и красное зарево пожара сливалось съ алыми тонами вечерней зари. Генералъ Раухъ остановился бивакомъ у пылавшей деревни, а мы отправились на ночлегъ въ д. Дольній Бугаровъ, но нашли ее сожженную, еще дымящуюся съ изувѣченными трупами болгаръ безъ носовъ и ушей. Къ счастью здѣсь мы не долго оставались, такъ какъ пришло приказаніе не

редвинуться въ Козичаны къ юго-западу отъ Софіи, на дорогу къ Ихтиману и Филиппополю, дабы отрѣзать въ этомъ направленіи дорогу Софійскому гарнизону.

Ночь была темная при двадцати градусномъ морозѣ, отъ котораго очень страдали наши гусары, два дня уже голодные.

Мы приближались со всѣми предосторожностями, и пустивъ впередъ въ деревню развѣдчиковъ, сами остались въ лѣсу. Вскорѣ они прискакали, объявивъ съ восторгомъ, что Козичаны остались въ цѣлости, квартиры хороши, и болгары ожидаютъ насъ. Изъ нашихъ рядовъ послышался одинъ крикъ, какъ у римлянъ: хлѣба, и... только не зрѣлищъ: ихъ было достаточно, а огня!

Но отдыхъ нашъ продолжался не долго: съ зарею командиръ нашего перваго эскадрона баронъ Бистромъ произвелъ сильную рекогносцировку къ Софіи, испортилъ телеграфъ на шоссе и завладѣлъ мостомъ Чифликъ-Чардаклы, отбросивъ баши-бузуковъ и низамъ къ городскимъ укрѣпленіямъ.

Первый эскадронъ уланъ Его Величества также принялъ участіе въ этой схваткѣ. Наши солдаты пришли въ такую ярость, что стрѣляли изъ за плечей товарищей, почти не цѣлясь. Одинъ изъ моихъ друзей, молодой графъ Ферзенъ, уланскій унтеръ-офицеръ, уже контуженный турецкой пулей, едва не былъ убитъ своей, просвиставшей подъ самымъ ухомъ.

— Осторожнѣй, дубина! вскричалъ онъ поворачиваясь назадъ, къ стрѣлявшему гусару, но бѣдняга уже не слышалъ этихъ словъ, падая съ лошади съ пулей во лбу.

Его тутъ же и зарыли, водрузивъ на могилѣ крестъ изъ двухъ покрытыхъ инеемъ вѣтвей. Бѣдный Красовъ, сколько разъ повторялъ ты мнѣ, что не увидишь больше своей деревни, родителей и молодой жены. Предчувствіе не обмануло тебя. Спи спокойно въ болгарской землѣ!

Утромъ 23-го нашъ 3-й эскадронъ подъ командой штабсъ-ротмистра Цвѣта, находившійся на аванпостахъ передъ Софіей, замѣтилъ, что турецкіе посты куда то исчезли.

Тогда корнетъ Лихачевъ съ однимъ взводомъ смѣло бросился въ городъ и, выбивъ оттуда башибузуковъ и отсталыхъ, первымъ занялъ древнюю столицу Болгаріи. Въ тотъ же день туда вошелъ Преображенскій полкъ, а вслѣдъ за нимъ вступилъ генералъ Гурко со штабомъ. Здѣсь не видѣли христіанскихъ войскъ съ 1434 г. Въ три часа наша бригада тоже двинулась къ Софіи, но на половинѣ пути пришла отмѣна приказанія, и мы, совсѣмъ разочарованные, вернулись въ свои деревни, но къ моей радости Принцъ, одинъ туда отправившійся, взялъ меня съ собой.

Съ какой радостью и волненіемъ въѣхалъ я въ цивилизованный городъ, послѣ четырехъ мѣсячныхъ скитаній въ горахъ и полуразрушенныхъ деревняхъ.

Софія, довольно грязная и не красивая, показалась мнѣ прекраснымъ городомъ, и дома мнѣ представлялись чуть не дворцами.

Командиръ полка отправился къ принцу Ольденбургскому, а я съ трубачемъ помѣстился не далеко оттуда въ сараѣ. Только что я собрался пойти осматривать городъ,

меня охватило черпымъ дымомъ, и во мгновеніе ока загорѣлся нашъ сарай. Съ трудомъ мы вывели лошадей и вынесли вещи. Весь кварталъ скоро былъ въ пламени, которое охватывало одинъ домъ за другимъ, и вся улица покрылась клубами чернаго дыма, перемѣшаннаго со снопами искръ.

Съ трудомъ перебрались мы на другой конецъ города отыскивать убѣжища на ночь.

Я стучался въ нѣсколько воротъ, нигдѣ не пускали; наконецъ, когда я чуть не выломалъ дверей одного большаго, красиваго дома, мнѣ отворили, и къ удивленію моему я увидѣлъ не „братушку“, а прилично одѣтаго господина, который на хорошемъ французскомъ языкѣ спросилъ меня, что мнѣ угодно.

— Переночевать.

— Съ удовольствіемъ, войдите, пожалуйста.

Я замеръ на порогѣ отъ удивленія такъ какъ вмѣсто грязной избы увидѣлъ маленькій салонъ, кокетливо обставленный: зеркала, картины на стѣнахъ, ковры, хрустальная люстра и . . . хорошенькая женщина въ креслѣ. Меня усадили на стулъ, на которомъ наканунѣ, по сло-

вамъ хозяйки, возсѣдалъ паша, и подали чашку и трубку, изъ которой онъ курилъ. Представьте теперь себѣ картину: русскій солдатъ на мѣстѣ турецкаго паши. Какой контрастъ?

Я снялъ сѣрую шинель и остался въ шерстяномъ, бѣломъ кителѣ.

— Какая красивая форма! воскликнула хозяйка.

Позвольте вамъ замѣтить, что это не наша форма; Гродненскіе гусары обыкновенно носятъ зеленые долманы, вышитые бѣлыми и серебряными шнурами.

— Это должно быть очень красиво, замѣтилъ хозяинъ.

— Superbe! добавила супруга. Тутъ она принялась болтать, разсказывая мнѣ о паникѣ, охватившей было городъ, такъ какъ Османъ-Нури-паша хотѣлъ защищаться до послѣдней крайности, поджечь дома, взорвать пороховые погреба, не оставивъ русскимъ даже соломенки.

— Всѣ европейскія дамы искали защиты у консуловъ. Мы итальянцы — и мой мужъ— инженеръ на здѣшней желѣзной дорогѣ. Турки ушли отсюда вчера въ одиннадцать часовъ

вечера, и ночь эта была для насъ ужасна: башибузуки и черкесы грабили городъ, и мы каждую минуту думали, что взлетимъ на воздухъ. Въ главной Софійской мечети сложено было до 20000 снарядовъ, предназначавшихся для Плевны.

Если бы инженерша разсказывала мнѣ всю ночь, я съ удовольствіемъ слушалъ бы ея повѣствованія, тѣмъ болѣе, что они являлись изъ устъ хорошенькой женщины, но вдругъ Принцъ за которымъ я послалъ трубача, вошелъ и представился хозяевамъ; инженеръ и супруга его поклонились чуть не до земли; я испуганно вскочилъ, такъ какъ совсѣмъ забылъ о командирѣ.

Хозяева бросились угощать Его Высочество, а я отыскалъ какую то комнату, гдѣ прилегъ на диванѣ.

Ночью хозяинъ накрылъ меня шубой, такъ какъ въ комнатахъ было не теплѣе, чѣмъ на дворѣ.

На другое утро наши хозяева убѣдились въ громадной разницѣ между положеніями командира, Его Высочества, и вольноопредѣляющагося. Они перестали величать меня

г. офицеромъ, говоря просто: „mon ami“, и уже не приглашали въ гостинную. При прощаніи только хозяйка по добротѣ сердечной протянула мнѣ руку; инженеръ же, только что удостоившійся рукопожатія Принца, покровительственно замахалъ мнѣ, приговаривая: „Adieu mon ami, adieu!“

Я, смѣясь, повторилъ ему то же самое. Эта фамильярность привела его въ ужасъ.

. . . . . .

Сегодня когда вездѣ у васъ горѣли елки, и вы радостно встрѣчали праздникъ, смерть омрачила наше веселье. Около меня распростерто тѣло нашего товарища, молодого уланскаго офицера Русинова, убитаго сегодня черкесами. Сочельникъ вышелъ очень печальный, и у всѣхъ мрачная мысль, что то будетъ завтра.

ГЛАВА VIII.

Взятіе Ихтимана.

Ихтиманъ.

27 Декабря.

Мы въ авангардѣ, въ ста десяти верстахъ отъ Филипополя, проникли уже въ самое сердце Турціи и взяли съ боя городъ Ихтиманъ, окончательно разрушенный, на половину сожженный, съ разбитыми дверями и окнами. Большая часть жителей послѣ оставленія Софіи турками бѣжали въ горы, сотня изъ нихъ убиты и изувѣчены черкесами и башибузуками.

Насъ окружили испуганные болгары; женщины рвали на себѣ волосы, жалобно причитали и бросались къ нашимъ ногамъ, мужчины

объятые ужасомъ, испуганно кричали и разбѣгались во всѣ стороны передъ нами, какъ и передъ турками.

Случайно я увидѣлъ нашего старшаго врача, перевязывавшаго раненыхъ и страшно озабоченнаго.

— Ну, недостатка въ паціентахъ у васъ нѣтъ! замѣтилъ я.

Онъ замахалъ руками, выругался и исчезъ куда то.

Командиръ полка остановился въ маленькомъ, развалившемся домикѣ. Трубачъ затопилъ каминъ кусками разломанной, длинной лѣстницы. Сѣвъ въ сторонкѣ, я мысленно перебиралъ всѣ подробности послѣдняго перехода и боя. Намъ не дали вздохнуть послѣ взятія Софіи. Вмѣстѣ съ Астраханскими драгунами подъ командою графа де Бальмена мы были посланы впередъ и, выступивъ 25-го изъ Козичанъ, въ тотъ же день достигли Трнова, гдѣ провели ночь. Наши гусары отыскали бочепокъ съ водкой, разбили его и предложили мнѣ большой стаканъ. Я проглотилъ жидкость но тутъ же закричалъ отъ боли: ока-

залось, что это былъ чистѣйшій спиртъ. Я сталъ скорѣе глотать снѣгъ, чтобы утишить боль, которая долго не проходила.

На другой день мы выступили съ зарей и скоро вошли въ Ихтиманское дефиле. Вскорѣ Принцъ отдѣлился и поскакалъ впередъ, я—за нимъ. На поворотѣ дороги мы замѣтили слѣды желѣзной дороги, построенной итальянцами отъ Ихтимана до Татаръ-Базарджика. На пустомъ, покосившемся отъ вѣтра сараѣ красовалась громкая надпись:

„Bella della Ferrata“

„Restaurant.“

Какая горькая иронія надъ нами, два дня уже голодными.

Но за то турки вскорѣ насъ гостепріимно приняли. Пули засвистали мимо ушей и глубоко зарывались въ снѣгъ, оставляя на немъ длинныя борозды; одна ударила въ икру нашему трубачу, другая вслѣдъ за ней въ фуражку втораго гусара. Черкесы засѣли за мельницей на краю дороги и, поддержанные низамомъ, обратили ее въ маленькое укрѣпленіе.

— Скачите и передайте, чтобы сюда скорѣе шли два эскадрона! обратился ко мнѣ Принцъ.

Рисовыя поля, покрытыя снѣгомъ, сильно затрудняли движеніе, и только черезъ два часа нашъ второй эскадронъ выбилъ черкесовъ изъ за мельницы. У поручика Циммермана была убита лошадь, и изъ строя выбыло нѣсколько убитыхъ и раненыхъ гусаръ. Вслѣдъ за этимъ горячимъ дѣломъ полкъ двинулся къ самому Ихтиману.

Отрядъ вскорѣ подтянулся, и наши батареи открыли огонь. Ничто не могло противиться нашему натиску: ни турецкіе батальоны, вышедшіе изъ города къ намъ на встрѣчу и открывшіе безпорядочные залпы, ни эскадронъ черкесовъ, пытавшійся насъ атаковать, но вскорѣ давшій тылъ. Мы влетѣли въ Ихтиманъ вмѣстѣ съ турками, рубя всѣхъ сопротивлявшихся и особенно преслѣдуя черкесовъ, которые по дорогѣ убивали жителей и поджигали дома. Ружейная перестрѣлка, частые залпы, отчаянные вопли, трескъ пожара совсѣмъ насъ оглушили, и долго никто не могъ понять, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ пріі-

ѣхалъ доложить, что во второмъ эскадронѣ нѣтъ больше патроновъ.

— Все равно, скажи ротмистру, чтобы прямо шелъ въ атаку, холодно приказалъ Принцъ. Вслѣдъ за этимъ быстро распространилось извѣстіе, что одинъ изъ офицеровъ убитъ, но по счастью оно оказалось ложнымъ, и была убита только его лошадь.

Въ это время подъѣхалъ къ намъ графъ Бальменъ со свитой и уланами Его Величества. Исполненный отваги, старый генералъ вытащилъ уже изъ ножен свою саблю, когда его съ трудомъ удержалъ начальникъ штаба, прося не подвергать себя даромъ опасности.

Наконецъ къ половинѣ четвертаго турецкая пѣхота и кавалерійскій полкъ, защищавшіе городъ, очистили Ихтиманъ, и мы преслѣдовали непріятеля до рѣки Мусверъ.

Мнѣ грезился уже Георгіевскій крестъ на штандартѣ и, можетъ быть, на моей груди.

— Что вы тамъ сидите въ углу? вдругъ обратился ко мнѣ Принцъ; придвигайтесь ка къ огню, или лучше сходите къ командиру бригады и узнайте, можно ли разсѣдлывать,

а то лошади черезъ чуръ загнаны и имѣютъ полное право отдохнуть немного.

Я нашелъ бригаднаго въ сосѣднемъ домѣ, совѣщавшагося со своимъ начальникомъ штаба.

— Командующій полкомъ прислалъ узнать, можно ли разсѣдлывать?

Генералъ взглянулъ на начальника штаба.

— Не опасно ли?

Но тотъ, успокоивъ его жестомъ, вымолвилъ:

— Разсѣдлывайте, никто васъ не потревожитъ. Я знаю турокъ.

28 Декабря.

Я провелъ ночь въ сараѣ, на кучѣ сѣна близь костра, въ которомъ тлѣли два большихъ колеса отъ повозки, хотя, собственно говоря, нечего его было и зажигать, такъ какъ весь Ихтиманъ—ничто иное, какъ громадный костеръ. По улицамъ невозможно ходить отъ жару, валятся бревна и цѣлые дома, горящія головни летятъ съ крышъ и, того и гляди, попадутъ въ голову.

Всю ночь доносилась перестрѣлка съ уланскихъ аванпостовъ, въ то время какъ наши

гусары, не успѣвъ отдохнуть, тушили пожаръ и локализировали огонь; удалось спасти только одинъ кварталъ, и весь городъ обратился въ груду дымящихся развалинъ.

Туркамъ надоѣло драться. Сегодня они прислали парламентера съ сообщеніемъ, что получена депеша изъ Константинополя о перемиріи. На другой день новый парламентеръ подтвердилъ вчерашнее извѣстіе. Немного позднѣе графъ Бергъ, командовавшій первымъ эскадрономъ уланъ Его Величества, прислалъ къ намъ подъ конвоемъ адъютанта Сулеймана-паши съ письмомъ къ Великому Князю. Турецкій офицеръ, изящно одѣтый, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, разсматривалъ насъ удивленно, такъ какъ мы выглядѣли совсѣмъ дикими въ сравненіи съ его элегантной, новой формой. Пѣсни пѣхоты графа Шувалова, вступавшей въ городъ, отвлекли наше вниманіе отъ блестящаго парламентера. Часа три спустя, мы были уже на коняхъ, такъ какъ только что прибывшій генералъ Гурко двинулъ насъ къ Троянову перевалу.

Ветреново.

31 Декабря.

Холодъ усилился и навѣрное болѣе 20% по Цельзію. Густой, ледяной туманъ окутывалъ насъ, осѣдая инеемъ на платьѣ.

Дорога, покрытая толстымъ слоемъ льда, шла между горами, вершины которыхъ терялись въ облакахъ.

Вездѣ мы находили слѣды поспѣшнаго бѣгства, покинутые лагери, разбитыя телѣги, замерзшіе трупы людей и лошадей.

Нельзя сказать, чтобы мы легко сдѣлали первыя четырнадцать верстъ, таща точно на буксирѣ лошадей вплоть до Капонджикскаго ущелья; отсюда мы скатились, какъ лавины, загрузая въ снѣгу, попадая въ разщелины и повсюду оставляя клочья платья въ этой не равной борьбѣ съ природой. Наконецъ далеко за полночь мы пришли въ Ветреново, прекрасную деревню у подножія Малыхъ Балканъ. Густой туманъ и непроглядная тьма окружали насъ со всѣхъ сторонъ, и я уже не зналъ, куда двигаться, когда меня кто то окликнулъ:

я узналъ моего пріятеля Голынскаго, уланскаго унтеръ-офицера, ординарца бригаднаго командира. „Съ новымъ годомъ“! закричалъ онъ мнѣ, весело.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ шутить, отвѣчалъ я, стуча зубами отъ холода.

— Да, нисколько, отвѣчалъ тотъ: и я отъ души желаю тебѣ никогда больше не находиться подъ новый годъ въ такой обстановкѣ.

Дѣйствительно, взглянувъ при свѣтѣ спички на часы, я увидѣлъ, что они показывали полночь 31 Декабря 1877 года.

Мой товарищъ затащилъ меня въ избу, гдѣ на огнѣ, въ котелкѣ варился рисъ.

— Вотъ тебѣ и ужинъ! торжественно укакалъ онъ на очагъ.

Я бросился ему на шею при видѣ такого сюрприза.

Только что мы усѣлись роскошно поужинать, какъ вошелъ уланъ и позвалъ моего пріятеля къ бригадному командиру; тотъ вышелъ и вернулся черезъ четверть часа, страшно злой.

— Вообрази, сказалъ онъ: меня посылаютъ въ Ихтиманъ съ рапортомъ къ графу Шувалову, и я долженъ опять продѣлать этотъ переходъ въ такой холодъ.

Напрасно я старался его успокоить: онъ уѣхалъ, проклиная свою судьбу.

1 Января 1878 года.

Командиръ полка, отморозившій себѣ ноги во время перехода черезъ Траяновъ перевалъ, рѣшилъ остаться на нѣсколько дней въ Ветреновѣ. Къ тому же эскадроны наши раздѣлились: второй и четвертый подъ командой полковника Остроградскаго направились въ г. Банью, чтобы отрѣзать путь отступленія противнику. Третій эскадронъ оставилъ Ихтиманъ 28 Декабря, чтобы присоединиться къ колоннѣ генерала Дандевиля, а первый ушелъ на рекогносцировку.

Съ нѣкотораго времени наши успѣхи такъ быстры, безпорядокъ у турокъ такъ великъ, и свѣдѣнія о противникѣ такъ разнорѣчивы, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о непріятельскихъ силахъ. Какъ я и ожи-

далъ, Принцъ не могъ долго остаться въ Ветреновѣ, и мы отправились въ Татаръ Базарджикъ, гдѣ присоединились къ свитѣ генерала Гурко, котораго сегодня утромъ всѣ поздравили съ Новымъ годомъ. Послѣ этого онъ лично произвелъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Повидимому турки не имѣли намѣренія долго защищаться въ Татаръ Базарджикѣ

Ночь мы провели въ виду города, въ ужасной конурѣ.

Маіоръ Лигницъ, прусскій военный агентъ, и адъютантъ князя Карла Румынскаго явились просить насъ пріютить ихъ на ночь, Они напились чаю, сидя на землѣ, по турецки за неимѣніемъ стульевъ.

2 Января.

Ночью патрули донесли, что турки очистили городъ: съ зарей графъ Шуваловъ занялъ Татаръ Базарджикъ.

Мы отправились на присоединеніе къ нашимъ эскадронамъ и проѣхали черезъ пылавшій городъ, гдѣ столбы дыма медленно подни-

мались къ небесамъ, освѣщеннымъ матовымъ блескомъ восходящаго солнца; пожаръ былъ такъ силенъ, что далеко вокругъ города согрѣлъ воздухъ.

Мы должны были кружить по улицамъ, чтобы не попасть на горящія бревна, всюду загораживавшія дорогу. Густой дымъ ѣлъ глаза. Всѣ дома были пусты, съ ободранными крышами, и разбитыя окна казались большими глазными впадинами покойниковъ. Стѣны домовъ, на половину разрушенныя, носили еще слѣды живописи; повсюду валялись клочки матерій и обломки мебели; по временамъ встрѣчались болгары, боязливо смотрѣвшіе, разнаго рода мародеры и хозяева домовъ, ища среди развалинъ остатки своего сожженнаго и разграбленнаго имущества.

— Какой разгромъ! воскликнулъ Принцъ. Дѣйствительно мы видѣли передъ собой не солдатъ, а какихъ то бандитовъ, бѣжавшихъ съ награбленной добычей; вся дорога была усѣяна остатками безумнаго бѣгства: брошенныя повозки, разбитые зарядные ящики, оружіе, аммуниція, сброшенная для облегченія дви-

женія. Я подобралъ было ружье Пибоди и старый кремневый мушкетъ съ инкрустаціей изъ перламутра, но тяжесть заставила меня ихъ съ сожалѣніемъ бросить на землю.

Мы выѣхали изъ Татаръ-Базарджика по Филипопольской дорогѣ и встрѣтили здѣсь толпу изъ поселянъ, женщинъ и дѣтей, которая бросилась передъ нами на колѣни, бормоча молитвы на непонятномъ языкѣ. Мы хотѣли было ихъ объѣхать но они, какъ піявки, прицѣпились къ намъ, плача, стеня, цѣлуя наши ноги, колѣни и даже лошадей. Моя, мало привыкшая къ такого рода нѣжностямъ, начала лягаться, что немного охладило порывъ „братушекъ“. Ничего не разобравъ изъ ихъ причитаній, мы стали по немногу прокладывать себѣ дорогу среди несчастныхъ, которыхъ страхъ и голодъ бросилъ къ ногамъ побѣдителей, и, медленно двигаясь, втроемъ внесли панику на уединенное шоссе. Все трепетало и бѣжало при видѣ насъ: то нѣсколько мародеровъ, бросая оружіе, разсыпались въ разныя стороны; то черкесъ, нагруженный добычей, ронялъ на землю тяжелый, мѣдный котелъ и ухо-

дилъ отъ насъ въ карьеръ. Спокойно разговаривая, смѣясь и куря, мы созерцали весь этотъ разгромъ безъ всякаго желанія мстить или убивать. Вдругъ я замѣтилъ красавца негра изъ египетскихъ войскъ Гассана-паши, пробиравшагося черезъ поле и скоро догнавъ его, заставилъ слѣдовать за нами. „Какое великолѣпное животное, замѣтилъ Принцъ; я сдѣлаю его камердинеромъ.“

Вскорѣ мы встрѣтили барона Бистрома съ эскадрономъ, сторожившаго бродъ черезъ рѣку Марицу и со вчерашняго дня преслѣдовавшаго по пятамъ турокъ. Онъ прослѣдилъ двѣнадцать таборовъ съ артиллеріею, отступившихъ вдоль желѣзной дороги и предупредилъ объ этомъ графа Шувалова. Отъ насъ видны лѣвый берегъ Марицы и наша пѣхота, спѣшащая догнать противника, уходящаго по правому берегу къ деревнѣ Адакіой. Около этого стратегическаго пункта, шоссе лѣваго берега такъ къ нему приближается, что одна батарея можетъ легко остановить нашихъ, и весь вопросъ занять теперь эту позицію ранѣе турокъ, дабы этимъ отрѣзать имъ путь отступ-

ленія. Графъ Шуваловъ приказалъ двумъ гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ перейти Марицу въ бродъ.

Храбрые стрѣлки, не колеблясь, бросились въ рѣку, проламывая прикладами тонкій ледъ, и подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ, по поясъ въ водѣ, достигли другаго берега и заняли Адакіой куда за ними послѣдовали новыя части, переправлявшіяся черезъ рѣку на крупахъ нашихъ коней. Это было гибельно для турокъ, вынужденныхъ принять отступательный бой; по счастью для нихъ ночь вскорѣ прекратила сраженіе. Мы очутились въ потьмахъ на дорогѣ, не зная, куда двигаться, когда къ командиру полка подъѣхалъ всадникъ.

— Бригадный командиръ приказалъ Вашему Высочеству идти на деревню Кастекіой, доложилъ онъ.

— Откуда вы?

— Изъ подъ Филлиппополя.

— Какимъ образомъ?

— Такъ точно, Ваше Высочество, едва наша пѣхота миновала Татаръ-Базарджикъ, на-

чальникъ дивизіи баронъ Клотъ пошелъ на рысяхъ съ 14 эскадронами и конной батареей къ Филлиппополю.

— И вы его заняли?

— Какъ только мы подошли къ городу, по насъ открыла огонь турецкая батарея, и показалось нѣсколько таборовъ на берегу Марицы.

— Что же вы предприняли?

— Мы выставили два орудія и тоже открыли огонь.

— А потомъ?

— Затѣмъ попробовали обогнуть городъ и взять его съ другой стороны, но не оказалось никакой возможности двигаться по рисовымъ полямъ.

Ахъ, чертъ возьми! замѣтилъ Принцъ, смѣясь: не будь ихъ, мы бы ночевали въ Филлипполѣ, а теперь, господа, не угодно-ли въ Костекіой!

ГЛАВА IX.

Послѣднее сраженіе.

Генералъ Гурко отдалъ слѣдующую диспозицію на 3-е Января.

1) Графъ Шуваловъ атакуетъ непріятельскую позицію подъ Кадыкіоемъ.

2) Колонна генерала барона Криденера выступитъ впередъ по шоссе, переправится черезъ Марицу и зайдетъ въ тылъ непріятелю, а въ случаѣ невозможности переправы ограничится демонстраціей около брода черезъ рѣку, дабы поддержать графа Шувалова.

3) Колонна генерала Шильдера будетъ дѣйствовать къ западу отъ Филиппополя.

4) Колонна генерала Вельяминова направится по лѣвому берегу рѣки Марицы къ деревнѣ Ивермаликъ, къ юго-западу отъ города.

5) Наконецъ 2-я Гвардейская кавалерійская дивизія подъ командой генерала Клота обогнетъ Филлиппополь съ сѣвера, перейдетъ Марицу и постарается завладѣть желѣзнодорожнымъ мостомъ у Папасли и отрѣзать путь отступленія противнику.

Утромъ, 3 Января.

Едва колонны графа Шувалова вышли изъ Адакіоя, какъ замѣчено было дебушированіе непріятеля изъ деревень Дерменъ, Каратаиръ и Кадыкіой по направленію къ Филиппополю.

Наша батарея тотчасъ же открыла огонь; турки отвѣтили, и началась канонада. Непріятель видимо спѣшилъ, какъ можно скорѣе, подъ защиту своей укрѣпленной позиціи, а графъ Шуваловъ поджидалъ колонну Вельяминова, которая должна была ударить на лѣвый флангъ турокъ, упиравшійся въ горы.

Генералъ Гурко, слѣдившій за движеніемъ войскъ съ высокаго кургана, рѣшился ускорить движеніе колоннъ и разослалъ имъ приказанія торопиться къ Филиппополю.

Въ 11 часовъ утра 3-я Гвардейская пѣхотная дивизія развернулась въ боевой порядокъ, въ то время какъ Финляндскій полкъ, сойдя съ шоссе, переправился черезъ Марицу на лошадяхъ конвоя и свиты генерала Гурко, завладѣлъ деревней Айраули и остановилъ движеніе турецкихъ колоннъ изъ Кадыкіоя. Финляндцевъ поддерживали огнемъ двѣ батареи сначала съ лѣваго берега, а потомъ онѣ переправились черезъ рѣку, не смотря на ледоходъ, въ бродъ, достигавшій ста сажень ширины и $1^1/_2$ аршинъ глубины.

Два баталіона съ батареей заняли Айраули, а два другихъ были посланы обойти непріятеля съ праваго фланга, но рисовыя поля задержали ихъ все время подъ огнемъ турокъ, и къ вечеру только они успѣли занять ирригаціонныя канавы въ шестистахъ шагахъ отъ желѣзнодорожной мельницы, занятой непріятелемъ, все время тревожимымъ нашими гусарами.

Къ четыремъ часамъ графъ Шуваловъ завладѣлъ деревней Каратаиръ, гдѣ также расположилась на ночь колонна генерала Вель-

яминова. До двухъ часовъ ночи второй эскадронъ Лейбъ-Драгунъ и Бугскіе уланы перевозили черезъ Марицу на крупахъ коней войска генерала Вельяминова. Дандевиль, подошедшій съ 3-й Гвардейской дивизіею къ 11 часамъ утра къ Филиппополю съ сѣверной стороны, былъ встрѣченъ жестокимъ огнемъ батарей и стрѣлковъ, занимавшихъ южную окраину города. Литовцы и Кексгольмскіе гренадеры стремительно бросились въ атаку, держа ружья „на руку“, и завладѣли Кешіакскимъ предмѣстьемъ, но затѣмъ были остановлены Марицей, мостъ черезъ которую былъ весь въ пламени. Улица, ведущая къ нему, окаймленная горящими домами, была загромождена камнями, разными обломками, товарами, натасканными съ сосѣдняго базара, и отъ всѣхъ кипъ пуха и матерій поднимался густой, ѣдкій дымъ, сильно затруднявшій движеніе. Время отъ времени снопы краснаго пламени вспыхивали на снѣжной бѣлизнѣ Филлиппопольскихъ холмовъ и поднимались къ небу громадными султанами дыма; безпрестанно слышались пушечные удары, которымъ издалека вторилъ пронзитель-

ный звонъ греческихъ и болгарскихъ колоколовъ, бившихъ въ набатъ.

Генералъ Дандевиль началъ безпокоиться, и самъ поѣхалъ отыскивать бродъ, но тщетно, и войска оставались, не двигаясь впередъ, осыпаемыя гранатами и картечью. Тогда выставили батарею и начали отвѣчать турецкимъ, расположеннымъ въ сотнѣ саженей отъ насъ. Огонь продолжался нѣсколько часовъ, и турки его не выдержали, такъ какъ на другомъ берегу началось безпорядочное отступленіе. Генералъ Дандевиль послалъ Литовскій полкъ и драгунъ на флангъ противника. Отрядъ этотъ, пройдя по рѣкѣ 4 версты встрѣтилъ бродъ, защищаемый тремя таборами и тремя орудіями, и, сбивъ ихъ, завладѣлъ переправой. Становилось темно, и наши войска приготовлялись провести ночь въ полной боевой аммуниціи. Никто не думалъ занять сегодня города, между тѣмъ Филиппополь достался намъ въ эту же ночь.

Генералъ Гурко остановился въ Кастекіоѣ и расположился немного отдохнуть, когда къ нему явился капитанъ Бураго и доложилъ,

что его эскадронъ перевезъ 1500 человѣкъ на правый берегъ Марицы. и смѣненъ теперь Бугскимъ уланскимъ полкомъ.

— Какія будутъ приказанія Вашего Превосходительства? прибавилъ онъ.

— Приказанія? на эту ночь никакихъ, отвѣчалъ генералъ: развѣ только взять Филлипополь, добавилъ онъ, смѣясь.

— Будетъ исполнено, отвѣчалъ Бураго, откланиваясь.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ двинулся съ эскадрономъ на большихъ рысяхъ къ городу, занятому турками, и, перейдя въ темнотѣ Марицу, вскакалъ въ въ Филлипопольскія улицы, всѣ дома которыхъ были заперты; болгары и вооруженные горожане съ изумленіемъ смотрѣли на русскихъ драгунъ. Какая то личность подошла къ Бураго и отрекомендовалась, Греческимъ консуломъ, прося его войти на минуту въ домъ.

— Сколько васъ? спросилъ онъ, когда они остались одни.

— Много! отвѣчалъ Бураго.

— Сколько,

— Восемьдесятъ человѣкъ.

— Ради Бога, уходите кратчайшимъ путемъ, вѣдь вы окружены со всѣхъ сторонъ! воскликнулъ испуганный консулъ: здѣсь было двѣнадцать тысячъ турокъ, и только семь ушли, а пять еще на воксалѣ.

— Какъ вамъ угодно, но мнѣ приказано, и я долженъ занять городъ, отвѣчалъ Бураго, послѣ чего спѣшилъ эскадронъ и, соблюдая полную тишину, двинулся къ желѣзной дорогѣ. Вокзалъ былъ освѣщенъ, кругомъ горѣли бивачные костры, вокругъ которыхъ толпились турки.

Расположивъ своихъ людей въ канавѣ, Бураго приказалъ начать стрѣлять, не переставая, и изо всѣхъ силъ кричать „ура“. Послѣ перваго же залпа паника овладѣла турками, обратившимися въ бѣгство. Тогда драгуны заняли вокзалъ, гдѣ нашли роскошно сервированный, большой столъ. Услужливый итальянецъ — буфетчикъ объяснилъ драгунамъ, что это ужинъ Сулеймана-паши и его свиты. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ по усиленному приглашенію

хозяина, Бураго послалъ графа Ребиндера со взводомъ осмотрѣть окрестность. Ребиндеръ встрѣтилъ два орудія съ прикрытіемъ роты пѣхоты, бросился съ драгунами на нихъ и, изрубивъ турокъ, завладѣлъ пушками. Такъ взятъ былъ Филиппополь 2-мъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка въ ночь съ 3-го на 4-е Января. Въ ту же ночь турки очистили Кадыкіой. Тогда генералъ Гурко раздѣлилъ свои войска на двѣ части: одна должна была продолжать преслѣдованіе турокъ, въ то время какъ другая, выдвинувшись на станимакскую дорогу, преградить ему дальнѣйшее движеніе: такимъ образомъ непріятеля захватывали въ тиски, и, если бы даже планъ этотъ удался только на половину, онъ отбрасывался въ безпорядкѣ къ родопскимъ горамъ. Вслѣдствіе этого, приказанія на 4-е января были слѣдующія:

1) Графъ Шуваловъ будетъ дѣйствовать противъ Дермандере и постарается отбросить лѣвый флангъ противника.

2) Генералъ Дандевиль двинется на Станимакъ съ цѣлью отрѣзать путь отступленія туркамъ.

3) 2-я Гвардейская кавалерійская дивизія, находящаяся въ Перникени и Менанкени, перейдетъ на правый берегъ Марицы, на дорогу въ Папасли и выдвинется на непріятельскій путь отступленія.

Съ разсвѣтомъ мы оставили Перникени, и два нашихъ эскадрона пошли съ колонной графа Шувалова. Слышны были рѣдкіе орудійные выстрѣлы, усилившіеся къ полудню.

Графъ Шуваловъ, узнавъ отъ разъѣздовъ нашего полка, что турки очистили Кадыкіойскую позицію, двинулъ свои войска тремя колоннами. Правая была остановлена непріятелемъ передъ Дермандере и завязался съ нимъ артиллерійскій бой. Въ три часа пополудни десять таборовъ спустились съ высотъ, три раза ходили въ атаку и каждый разъ отбрасывались храброй 31-й дивизіей. Сраженіе окончилось къ пяти часамъ. Турки отступили, оставивъ на полѣ до шестисотъ труповъ. Остальныя части нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ, пытавшіяся завладѣть деревнею Марково, были задержаны въ своемъ движеніи рисовыми полями. Такъ что въ сущности наши

успѣхи на лѣвомъ флангѣ 4 числа были не велики, за то на правомъ они оказались блестящими. 3-я Гвардейская дивизія съ генераломъ Дандевилемъ въ главѣ направилась къ городу Станимаки. Взойдя на высоты у деревни Паша-Магале, драгунскіе патрули замѣтили длинныя колонны турецкой пѣхоты, проходившей черезъ д. д. Бѣлесницу и Карагачъ, направляясь къ Станимаки. Шедшая впереди нашей пѣхоты кавалерійская бригада быстро подошла къ Карагачу и выдвинула на позицію конную батарею. Первые же снаряды ея остановили турецкую колонну, подходившую къ Карагачу, занимавшія же деревню войска открыли огонь по драгунамъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось съ подходомъ 1-й бригады 3-й Гвардейской дивизіи, развернувшейся въ боевой порядокъ по обѣимъ сторонамъ конной батареи. Ночь быстро приближалась: нельзя было терять времени, и генералъ Красновъ, принявъ команду надъ бригадой, повелъ ее въ штыки. Двадцать восемь пушекъ были трофеями этой смѣлой атаки, но невозможно было за темнотой преслѣдовать противника, скрыв-

шагося въ горахъ. Немного спустя, турки въ свою очередь насъ атаковали, желая взять обратно свои орудія, но львиная храбрость Литовцевъ и Кексгольмскихъ гренадеръ заставила ихъ отойти безуспѣшно назадъ. Турки вскорѣ опять возобновили атаку съ отчаянной энергіей, и завязалась рукопашная, въ которой даже наши приняли участіе, Одинъ изъ нихъ дрался, какъ левъ и поранилъ двѣнадцать человѣкъ, прежде чѣмъ свалился проколотый штыкомъ. Имя этого храбреца такъ и осталось неизвѣстнымъ. Бой окончился лишь къ часу утра. Отрядъ, занявшій Карагачъ, проникъ, такъ сказать, въ центръ отступавшей непріятельской арміи. Это опасное положеніе заставило генерала Краснова, героя нынѣшняго дня, отвести свои части и взятыя орудія къ д. Паша Магале.

До сихъ поръ мы дрались больше на угадъ и были въ невѣденіи, какія силы противъ насъ, но утромъ 5-го числа, когда генералъ Гурко узналъ, что громадныя колонны отступали на западъ отъ Станимаки, онъ понялъ, что передъ нимъ находилась вся румелійская армія и

тотчасъ же отдалъ диспозицію, для преслѣдованія и охвата войскъ Сулеймана, который игралъ печальную роль въ этомъ отступленіи, находясь всегда въ авангардѣ, а не передъ врагами. Тѣмъ не менѣе этому генералу удалось сосредоточить 40 таборовъ въ Станимаки, при чемъ Фуаду пашѣ было приказано прикрывать отступленіе, сильно укрѣпившись въ Карагачѣ и Деменицѣ, и защищать до послѣдней крайности находившееся за послѣднею деревнею дефиле.

Генералъ Дандевиль, узнавъ вечеромъ четвертаго января о блестящемъ боѣ генерала Краснова, выступилъ ночью со 2-ю бригадою прямо на Карагачъ. Генералъ Гурко послалъ всю имѣвшуюся въ его распоряженіи кавалерію подъ командой генералъ лейтенанта Скобелева I на дорогу къ западу отъ Станимаки, въ то время какъ наша дивизія была направлена черезъ Папасли по правому берегу р. Марицы для присоединенія къ войскамъ Скобелева II-го и занятія всѣхъ путей между Филлипополемъ, Станимаки и Адріанополемъ.

Для атаки Фуада паши, графъ Шуваловъ отдалъ слѣдующія приказанія:

1) Колонна генерала Шильдера займетъ участокъ въ горахъ между Лютиково и Белесницей.

2) Колонна генерала Вельяминова будетъ продолжать движенія въ направленіи изъ Дермандере на Марково по дорогѣ у подножія горъ.

Движенія эти, согласованныя съ наступленіемъ генерала Дандевиля на Карагачъ, сводились къ тому, чтобы окончательно окружить войска Фуада паши, оставивъ свободными для ихъ отступленія только тропинки въ Родопскихъ горахъ, невозможныя для движенія артилеріи и обозовъ. Наша лѣвофланговая колонна выступила съ разсвѣтомъ и была встрѣчена въ трехъ верстахъ отъ Корнаша сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, направленнымъ съ позиціи турокъ Белесница—Чифликъ—Тсуритъ. Тогда Лейбъ Гв. Финляндскій полкъ направился къ Белесницѣ а Архангелогородскій на Чифликъ Тсуритъ, въ резервѣ же остались Лейбъ Гв. Московскій, Лейбъ Гв. Гренадерскій и Вологодскій полки.

Турки въ количествѣ 20 таборовъ и 20 пушекъ атаковали правый флангъ Архангелогородцевъ и сосредоточили въ то же время значительныя силы противъ Финляндцевъ. Графъ Шуваловъ также двигался впередъ со всѣми гвардейскими полками и, направивъ Вологодцевъ за лѣвый флангъ боеваго порядка, пріостановилъ лѣвую колонну, дабы выждать атаку генерала Дандевиля. Его дивизія шла къ Карагачу съ цѣлью атаковать непріятеля, когда турки ее предупредили и съ длинными стрѣлковыми цѣпями обрушились на Волынскій полкъ, спокойно, въ образцовомъ порядкѣ, какъ на смотру, перемѣнившій фронтъ и остановившій непріятеля мѣткимъ огнемъ. Три батальона Литовскаго полка и Петербургскіе гренадеры быстро заполнили пространство, открытое Волынцами; тогда турки выдвинули свою артилерію на высоты близъ Белесницы, но наши батареи заставили ее вскорѣ снятьея съ позиціи. Тогда генералъ Дандевиль двинулъ въ атаку Петербургскій Императора Германскаго полкъ. Гренадеры подъ градомъ свинца смѣло двинулись по рисовымъ полямъ, перерѣзан-

нымъ множествомъ широкихъ канавъ, сильно затруднявшихъ движеніе. Подойдя къ деревнѣ, храбрый полкъ, давъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ противника нѣсколько залповъ, съ крикомъ „ура“ бросился въ штыки на турокъ, опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ и дошелъ даже до Родопскихъ высотъ, которыя занялъ стрѣлковыми цѣпями. Фуадъ паша собралъ бѣжавшихъ, выдвинулъ свѣжія войска и попытался отчаянною атакой выбить 3-ю дивизію изъ занятой ею позиціи, но генералъ Дандевиль не уступилъ ни пяди и далъ знать графу Шувалову, что остановка лѣвой колонны позволитъ всѣмъ силамъ турокъ обрушиться на третью дивизію. Тогда было предпринято общее наступленіе, и графъ Шуваловъ съ тридцатью тысячами также успѣшно атаковалъ непріятеля. Лейбъ Гренадеры и Бугскіе уланы бросились на Марково, Финляндцы и Архангелогородцы на Белесницу: 31-я дивизія, взявъ вправо, втащила на рукахъ орудія на Родопскія высоты и, разгромивъ лѣвый флангъ противника, стала заходить ему въ тылъ.

Отъ этой тройной атаки турки дрогнули по всей линіи и стали отступать, пытаясь прорваться черезъ Белесницкое дефиле къ Карагачу.

2-я гвардейская и 31-я дивизіи бросились преслѣдовать эту толпу объятыхъ ужасомъ людей, которая была остановлена перегородившей ей дорогу 3-ей гвардейской дивизіей. Тутъ, можно сказать, армія Фуада была разстрѣляна, и остатки ея разбѣжались во всѣ стороны по горамъ. Преслѣдовавшіе ихъ Архангелогородцы наткнулись на отрядъ съ пятью орудіями, пытавшійся еще сопротивляться, такъ быстро бросились и, прогнавъ прикрытіе, завладѣли орудіями, что турки не успѣли даже выстрѣлить уже вложенные снаряды. Лейбъ Гв. Финляндскій полкъ въ свою очередь взялъ двадцать орудій. Только ночь положила предѣлъ преслѣдованію.

Масса труповъ людей, лошадей, орудія, зарядные ящики и телѣги загромождали входъ въ Белесницкое ущелье, внутри котораго также лежали убитые и раненые, рѣзко обрисовываясь на снѣгу, орошенномъ ихъ кровью. Ихъ такъ много, что не сочтешь.

ГЛАВА X.

Филиппополь.

Прекрасный, вымощенный фарфоровыми плитами дворъ; посреди бассейнъ изъ бѣлаго мрамора; домъ, выкрашенный голубой краской, съ высокими окнами и прекрасной мраморной лѣстницей со скульптурными украшеніями: громадныя залы съ нишами, блестящими гипсовыми стѣнами и потолками съ причудливыми арабесками — вотъ гдѣ я сегодня ночую. Богатое турецкое семейство, жившее здѣсь, бѣжало. Старый болгаринъ остался единственнымъ хранителемъ всѣхъ этихъ сокровищъ; онъ меня принялъ очень любезно, предложилъ кофе и длинную трубку, которую я закурилъ у массивной, бронзовой жаровни, стоявшей среди залы, и, протянувшись на Смирнскомъ

ковръ и, подложивъ блестящую ангорскую шкуру подъ голову, скоро заснулъ.

Проснулся я только на другой день, разбуженный блестящими солнечными лучами, проникшими въ залу и, вставъ, пошелъ отыскивать воды для мытья, при чемъ къ великой радости нашелъ турецкую баню изъ розоваго мрамора. Я почтительно вошелъ туда, чувствуя, что былъ первымъ мужчиной, оскорбившимъ святость этого мѣста. Маленькія женскія туфли лежали на мраморныхъ ступеняхъ, ведшихъ къ водѣ. Я съ волненіемъ спустился по этой лѣстницѣ, и мнѣ невольно вспомнились стихи Мюссе:

Dites—nous, marches gracieuses,
Les rois, les princes, les prelats
Et les marquis á grands fracas,
Et les belles ambitieuses,
Dont vous avez compté les pas!

Тѣмъ не менѣе, я открылъ бронзовый, позолоченный кранъ. Вода оказалась холодною, какъ ледъ, но все таки я съ наслажденіемъ выкупался, смылъ пыль нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ 9 часовъ покинулъ турецкій па-

лаццо, увезя въ видѣ воспоминанія пару туфель и шелковистую ангарскую шкуру, которую приторочилъ къ сѣдлу. На улицѣ я встрѣтилъ Принца, который ѣхалъ къ генералу Гурко и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Начальникъ отряда помѣщался въ домѣ городской управы, Филиппопольскомъ конакѣ, входъ въ который стерегли два каменныхъ льва и пара старыхъ пушекъ. Со двора былъ виденъ городъ, древній тримонтіумъ, построенный на трехъ холмахъ, съ спускающимися амфитіатромъ домами, покрытыми снѣгомъ. Филиппополь избѣгъ участи своихъ собратій: пожаръ и грабежъ были здѣсь остановлены, благодаря энергичному вмѣшательству консуловъ, и передо мной подъ блѣдными лучами январскаго солнца гордо и весело раскидывался красивый городъ. На вершинѣ самаго высокаго холма сверкали старыя башни Филиппа Македонскаго, напоминая городу его происхожденіе и славнаго основателя. Сколько страницъ греческой исторіи вспомнилось мнѣ при видѣ этихъ развалинъ! Голосъ командира полка вывелъ меня изъ задумчивости.

— Вы получите приказанія отъ начальника отряда для нашей бригады, которая пойдетъ въ Хаскіой, а потому подождите ихъ здѣсь!

Становилось холодно на дворѣ конака, и я забрался на длинную галлерею нижняго этажа, гдѣ провелъ все утро, частью прислонясь къ баллюстрадѣ, частью вымѣряя ее шагами. Генералы и адъютанты входили и выходили; двери растворялись и затворялись; былъ уже второй часъ, и никто ничего мнѣ не сообщалъ. Раза два офицеры спрашивали меня:

— Чего вы ждете?

— Приказаній генерала для третьей бригады.

— А, хорошо, съ этими словами они уходили.

Въ два часа явились вѣстовые съ блюдами разныхъ яствъ, запахъ которыхъ сильно раздразнилъ мой апетитъ; блюда были поглощены той же дверью, куда все утро исчезали мундиры.

— Кому это? спросилъ я.

— Генералу и свитѣ.

При каждомъ вновь проносимомъ блюдѣ я стягивалъ потуже мою портупею, испытывая муки Тантала, такъ какъ наканунѣ ничего не ѣлъ. Наконецъ какой то адъютантъ подошелъ ко мнѣ:

— Чего вы ждете?

— Приказаній для 3-й Гвардейской бригады.

— А, хорошо: будутъ послѣ обѣда.

— Слушаю-съ, господинъ капитанъ, но нельзя ли мнѣ также пойти пообѣдать: я умираю съ голода.

— Конечно, пойдите сейчасъ и возвращайтесь черезъ полчаса.

Я не заставилъ себя просить два раза и бросился по улицѣ къ единственному въ городѣ ресторану, и вдругъ, о ужасъ, ничего тамъ не нашелъ: все было съѣдено. Къ счастью мнѣ показали что то въ родѣ трактира напротивъ, гдѣ за рубль я получилъ кусокъ баранины съ рисомъ и, купивъ турецкаго табаку, вернулся въ конакъ.

Въ половинѣ пятаго мнѣ дали приказанія для графа де-Бальмена, который находился

въ д. Татаркіой въ тридцати верстахъ отъ Филиппополя.

Посѣдлавъ и запасшись кофе и бутылкой вермута („Bon pour ventre", какъ выразился одинъ Грекъ), я выѣхалъ изъ города по Адріанопольской дорогѣ. Солнце вскорѣ сѣло, и скоро можно было различать лишь верхушки телеграфныхъ столбовъ. Время отъ времени я натыкался на многочисленныя повозки, стоявшія на пустынномъ шоссе, и долго ѣхалъ такъ, угадывая во тьмѣ широкіе контуры расположенныхъ по сторонамъ дороги деревень.

Наконецъ моя лошадь остановилась сама; я закурилъ папиросу и взглянулъ на часы: былъ уже часъ ночи, и ни души на этомъ проклятомъ шоссе. Чтобы разузнать дорогу, я продолжалъ путь, пока не наткнулся на мѣстечко у самаго шоссе. Сколько я ни стучался въ разныя двери, никто мнѣ не отворялъ: вездѣ было пусто.

Въ нетерпѣніи я высадилъ плечомъ большую дверь и вошелъ въ обширный дворъ, гдѣ въ маленькомъ окнѣ, выходившемъ туда, замѣтилъ огонь. На мой зовъ явился бра-

тушка съ огромнымъ фонаремъ въ дрожащихъ рукахъ.

— Московъ! воскликнулъ онъ, въ ужасѣ пятясь назадъ.

— Не бойся ничего, не видѣлъ ли ты гдѣ нашихъ? спросилъ я, удерживая его за полу.

— Нѣтъ, братушка, клянусь тебѣ Богомъ, никого не видѣлъ. Оставь меня!

— Но днемъ же долженъ былъ ты видѣть русскихъ аскеровъ *)?

Нѣтъ я пришелъ сюда только вечеромъ: съ зарею мы скрываемся въ горахъ отъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Отыскавъ стойло для лошади, я вернулся въ избу, гдѣ нашелъ болгарина съ женой и четырьмя дѣтьми, жавшимися у тлѣющихъ полѣнъ. Внезапно разбуженные, они смотрѣли на меня испуганными взорами; я протянулъ руку женѣ и постарался успокоить, какъ умѣлъ, но на мои увѣренія въ миролюбіи мнѣ отвѣчали лишь плачемъ и стенаньемъ. Отецъ хозяина, убитый въ сосѣдней деревнѣ, валялся обнаженный въ углу избы, сестра его была уведена турками.

*) Аскеръ—по турецки солдатъ.

а новорожденный сынъ умеръ отъ холода и лишеній сегодня утромъ.

Какъ я понялъ изъ словъ болгарина,—всѣ тѣ, которые бѣжали отъ насъ съ той стороны Балканъ, явились сюда и расположились вдоль всей филиппопольской дороги. Турецкое правительство увѣрило бѣглецовъ, что они въ полной безопасности, и что Русскіе никогда сюда не явятся; но генералъ Гурко перешелъ Балканы, и Софія была взята. Это всѣхъ поразило громомъ и породило неописуемую панику. Сулейманъ, котораго болгаринъ величалъ „гіеною“ хотѣлъ все пространство между нами и своей арміею обратить въ пустыню и сжечь всѣ деревни между Софіею и Татаръ-Базарджикомъ съ помощію петролея, привезеннаго изъ Адріанополя. Всѣхъ христіанъ, не успѣвшихъ спастись, перебили. Отряды „Заптіевъ“ *) обходили турецкіе кварталы, крича, что Русскіе бьютъ мусульманъ, и заставляли всѣхъ бѣжать, убивая даже остающихся. Несчастные должны были оставлять свои жилища, не смотря на холодъ и снѣгъ.

*) Полицейскіе.

Многіе умерли отъ стужи и голода, и тѣхъ, которые остались живы, ожидала та же участь!

Въ первый разъ ужасы войны предстали передо мной во всей ихъ безобразной наготѣ. Не смотря на усталость, я не могъ заснуть и долго еще слушалъ разсказы о всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ.

Съ разсвѣтомъ, подкрѣпившись кускомъ хлѣба и кружкой воды—все, чѣмъ располагали эти несчастныя созданія, я снова пустился въ дорогу и при выходѣ изъ деревни встрѣтилъ нѣсколько болгаръ, которые мнѣ сообщили, что много „московъ“ на коняхъ проѣхали по дорогѣ на Хаскіой.

— Наконецъ то я попалъ на слѣдъ своей бригады!

Было холодно, и гололедица позволяла лошади двигаться только шагомъ. Деревни, попадавшіяся довольно рѣдко, были пусты и сожжены. Вереницы повозокъ на шоссе снова привлекли мое вниманіе. Подъѣхавъ къ нимъ, я замеръ въ ужасѣ. Ночная темнота только на время скрыла отъ меня всѣ ужасы этого длиннаго обоза. Въ каждой телѣгѣ лежали трупы:

здѣсь старикъ съ длинной бородой и головой, свѣсившейся какъ бы въ раздумьѣ на грудь; тамъ молодая женщина, судорожно прижимавшая ребенка къ своей окостенѣлой груди. На землѣ валялись запряженные, уже издохшіе быки; нѣкоторые изъ нихъ еще живые, но прикованные къ своимъ мертвымъ товарищамъ, казалось, изнывали въ медленной, мучительной агоніи. Нѣсколько верстъ далѣе, я наткнулся на остатки большаго бивака: телѣги, буйволы, палатки, разбитая посуда, клочки матерій покрывали землю въ перемежку съ трупами дѣтей, стариковъ, женщинъ, изъ которыхъ одна съ длинными, рыжими волосами, лежавшая на спинѣ, являла собой ужасное зрѣлище убійства и насилія.

Масса труповъ исчезала подъ снѣгомъ, изъ подъ бѣлой пелены котораго высовывалась то рука, то нога, какъ признаки мѣста ихъ упокоенія. Я былъ единственнымъ живымъ существомъ на этомъ громадномъ кладбищѣ, и страшная тоска овладѣла мной, какъ вдругъ послышались какіе то очень знакомые звуки. Молодой, свѣжій съ вибраціей голосъ

пѣлъ одну изъ нашихъ родныхъ пѣсень, припѣвъ который подхватывался хоромъ. Я далъ шпоры лошади и скоро нагналъ пѣхотный батальонъ, шедшій, отбивая ногу, среди ужасныхъ останковъ, съ пѣсенниками въ головѣ. И какъ это пѣніе вдругъ придало мнѣ энергіи и оживило послѣ длиннаго перехода, когда я уже выбивался изъ силъ, и когда нервы были возбуждены до нельзя усталостью, безсонницею и тѣми ужасными фантомами войны, какіе все время были у меня передъ глазами.

— Чего вы распѣлись? спросилъ я у маленькаго солдатика, который подпѣвалъ разухабистый мотивъ съ совсѣмъ ему несоотвѣтствовавшимъ печальнымъ выраженіемъ лица.

— А чего жъ не пѣть? отвѣчалъ онъ. Да и капитанъ приказали.

Онъ былъ правъ. Почему не пѣть и, молча, созерцать всѣ эти трупы, когда ни состраданіе ни скорбь по несчастныхъ не призоветъ ихъ болѣе къ жизни!

Проѣхавъ нѣсколько времени рядомъ съ пѣсенниками, я скоро оставилъ ихъ назади. У воротъ Хаскіоя я замѣтилъ группу старухъ

на колѣняхъ, казалось, молившихся, и постарался объѣхать, дабы не потревожить ихъ. Тщетная предосторожность: всѣ онѣ были уже въ лучшемъ мірѣ, и ничто не могло ихъ больше безпокоить. Повидимому, когда въ бѣгствѣ силы измѣнили имъ, несчастныя опустились на колѣни, призывая милосердіе Божіе или людское, и смерть, захвативъ ихъ въ этихъ позахъ на шоссе, превратила ихъ въ настоящія статуи скорби и отчаянія!

Когда я придержалъ лошадь передъ этой страшной группой, меня окликнулъ чей то звонкій голосъ, и красавецъ уланъ, розовый и свѣжій, подъѣхалъ ко мнѣ: это былъ графъ Ферзенъ.

— Я изъ Филиппополя, а ты почему здѣсь? спросилъ я.

— Ищу пѣхоту, не видѣлъ ли ты ея?

— Недавно обогналъ да вонъ издалека слышны пѣсенники: они все время поютъ, маршируя по этой дорогѣ изъ человѣческаго мяса!

— Что за молодцы! Нужно скорѣе ихъ встрѣтить, прощай! и съ этими словами графъ скрылся изъ виду.

10 Января.

Адріанополь въ нашихъ рукахъ! Конецъ войнѣ! Да здраствуетъ генералъ Струковъ и его блестящая конница!

Едва я успѣлъ посѣдлать лошадь, какъ мы выступили по дорогѣ къ Румелійской столицѣ. На шоссе тѣ же ужасы охладили немного нашу радость: тѣ же сцены смерти и отчаянія; тѣла, раздавленныя орудійными колесами, и масса турецкихъ семействъ въ снѣгу съ мольбами о помощи; сердце обливалось кровью при видѣ этихъ несчастныхъ, но мы не могли съ ними подѣлиться даже кускомъ хлѣба, и солдаты отворачивались отъ нихъ со слезами на глазахъ!

Въ Германлы послѣ пяти мѣсяцевъ мы увидѣли локомотивъ и пять вагоновъ, шедшихъ въ Адріанополь. Лошади ржали и настораживали уши отъ шума поѣзда, и мы пошли вдоли желѣзной дороги до Мустафы-паши. Становилось теплѣе, снѣгъ встрѣчался все рѣже и рѣже, но дорога все еще была запружена турками, бѣгущими къ столицѣ, и отвратительные болгары, мрачные предвѣстники нашего

побѣднаго шествія, грабили и убивали несчастныхъ. При въѣздѣ въ Мустафу, намъ загородилъ дорогу возъ, нагруженный мебелью и разнымъ имуществомъ, которое въ эту минуту вытаскивалось изъ домовъ болгарами: одинъ тащилъ быка, другіе разныя вещи, и хозяинъ, почтенный турокъ въ большомъ тюрбанѣ, опершись на палку, печально глядѣлъ на разгромъ всего своего достоянія. Около него стояла молодая, красивая женщина прижимая къ себѣ одной рукой двухъ маленькихъ дѣтей, а другой придерживая на головѣ ожерелье—все что у нее осталось!

— Отдерите эту сволочь, господа, очистите дорогу, вскричалъ Принцъ въ негодованіи. Приказаніе было исполнено въ одно мгновеніе ока и съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Турокъ посмотрѣлъ на насъ съ изумленіемъ, какъ бы сомнѣваясь, точно ли мы страшные осводители Болгаріи, и, прикладывая руку то къ чалмѣ, то къ сердцу и низко кланяясь, все повторялъ: сала малекъ, паша, сала малекъ.

Мы обогнали ихъ два часа спустя по дорогѣ въ Адріанополь: при нашемъ прибли-

женіи патріархъ остановилъ быковъ и почтительно поклонился. Жена его, спокойная, почти улыбающаяся, сидѣла въ повозкѣ, придерживая лежавшихъ около дѣтей, и, право, вся эта картина была достойна кисти Тиціана.

Но вотъ четыре иглы минаретовъ сверкнули на солнцѣ: это былъ Адріанополь со своею внушительной мечетью Сулеймана, рѣзко выдѣлявшеюся на лазурномъ фонѣ.

Но что это за большія безобразныя животныя впереди съ цѣлымъ живымъ арсеналомъ на горбахъ?

— Отгадайте ка.

— Это дромадеры, а на нихъ Скобелевцы.

При видѣ насъ молодцы солдатики замахали фуражками, и вскорѣ мы вступили въ городъ, пожирая глазами хлѣбъ, выставленный въ витринахъ булочныхъ.

Какъ ни нахмуривалъ брови нашъ ротмистръ, на каждомъ шагу слѣзалъ то одинъ, то другой гусаръ и, купивъ съ полдюжины хлѣбовъ, раздавалъ товарищамъ.

— Какая роскошь, послѣ черствыхъ сухарей, объ которые мы чуть не ломали себѣ зубы въ теченіи полугода.

Мы стали бивакомъ у старинаго сераля, служившаго арсеналомъ во время войны, и который турки взорвали наканунѣ, чтобы, вѣроятно, избавить насъ отъ труда туда заглядывать.

Живо вычистивъ лошадей, мы отправились въ городъ въ Европейскую гостинницу. За табль-дотомъ я обратился къ моему по виду флегматичному сосѣду съ просьбой передать мнѣ бутыляку Редереру.

— Oh! jes with pleasure, отвѣчалъ онъ.

Оказалось, что это былъ корреспондентъ „New york Herald.

— Вы дѣлаете компанію вмѣстѣ съ нами? спросилъ я его.

— Oh! jes, я никогда не видывалъ такой войны, я участвовалъ въ борьбѣ за независимость, знаменитой своими убійствами и жестокостями; но зрѣлище Филиппопольскаго шоссе превосходитъ всякое воображеніе.

Чѣмъ же мы виноваты? возразилъ я.

О, нисколько, но все таки это ужасно. . .

Послѣ обѣда мы начали отыскивать убѣжища на ночь, такъ какъ гостинница была на-

воднена пріѣзжими и въ каждомъ номерѣ помѣщалось не менѣе шести офицеровъ. Какая-то кондитерская была еще отворена, и мы взяли ее приступомъ.

Garçon! кофе и постелей! молодой грекъ принесъ намъ кофе съ чисто восточной апатіей.

— А постели?

— Нема, братушки, нема! увѣрялъ онъ.

Какъ нема, давай сейчасъ или чертъ тебя дери, мы...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ притащилъ нѣсколько матрацовъ, которые мы разложили на билліардѣ и мраморныхъ столахъ.

Мы укладывались спать, смѣясь и шутя.

— Только, пожалуйста, безъ карамболей! обтился мой товарищъ, зѣвая, къ своему сосѣду по билліарду.

ГЛАВА XI.

Рейдъ генерала Струкова.

„Господа, вы имѣете честь находиться въ авангардѣ всей арміи. Прошу васъ не забывать, что прежде всего требуется отъ конницы: громадная предпріимчивость въ соединеніи съ величайшей осторожностью. Наша задача—достиженіе возможно большихъ результатовъ съ возможно меньшими потерями! Перекрестясь, впередъ!“

Такова была простая и смѣлая рѣчь генерала Струкова къ своимъ офицерамъ, и утромъ 2-го Января со слабымъ отрядомъ, всего изъ 9-ти эскадроновъ, онъ бросился къ Константинополю. Результатами этого рейда было овладѣніе двумя желѣзно-дорожными линіями

отъ Филиппополя до Ямболи и ихъ узломъ станціей Терново. Къ 7 часамъ вечера того же дня по гололедицѣ, все увеличивая быстроту движенія, Струковъ сдѣлалъ уже 60 верстъ и подошелъ къ деревнѣ Аладагъ, въ восьми верстахъ отъ Семанлы.

До этого мѣста летучій отрядъ встрѣчалъ по деревнямъ только раненыхъ турецкихъ солдатъ, бѣжавшихъ съ Шипки, повозки, скотъ, и кромѣ брошенныхъ на произволъ судьбы стариковъ не отъ кого было получить какія либо свѣдѣнія. Наконецъ гдѣ то отыскали громаднаго, покрытаго пестрымъ рубищемъ негра, возбудившаго громкій хохотъ солдатъ. Негръ разсказалъ, что большой желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Марицу, близъ деревни Семанлы, защищается таборомъ и 6-ю орудіями, и ожидаются еще подкрѣпленія. Тогда съ наступленіемъ темноты Струковъ велѣлъ сдѣлать рекогносцировку въ указанномъ направленіи для провѣрки полученныхъ свѣденій. Въ часъ ночи получены были донесенія, подтверждавшія разсказъ негра, а съ разсвѣтомъ пришло извѣстіе о стычкѣ съ турками капи-

тана Амосова, испортившаго желѣзную дорогу и телеграфъ, но не успѣвшаго овладѣть мостомъ. Тогда генералъ Струковъ рѣшился возобновить это смѣлое предпріятіе. У него было всего 5 эскадроновъ, а помощь находилась въ 65 верстахъ; единственной гарантіею успѣха была паника всего народонаселенія и печаянность нападенія.

Неустрашимый генералъ бросился на большихъ рысяхъ къ мосту во главѣ своихъ драгунъ. Это внезапное, быстрое появленіе конницы обратило въ бѣгство таборъ въ пятьсотъ человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы защищаться, турки поспѣшно очистили берегъ рѣки и ушли за станцію въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ моста, и въ это время съ того берега поднялся большой столбъ пламени: непріятель, отступая, поджегъ мостовыя стропила; нужно было потушить пожаръ, прежде чѣмъ двигаться далѣе: драгуны начали быстро рубить шашками загорѣвшіяся бревна и поливать ихъ водой изъ полотняныхъ ведеръ для водопоя: мостъ былъ спасенъ и исправленъ при помощи дерева отъ брошенныхъ повозокъ. Тогда Стру

ковъ направилъ эскадроны въ атаку на турецкую батарею въ полуверстѣ отъ моста, и 6 пушекъ были взяты и привезены съ тріумфомъ на рукахъ, по глубокому снѣгу передъ глазами низама, объятаго ужасомъ и невдалекѣ отъ станціи безучастно слѣдившаго за дѣйствіемъ нашей конницы. Пользуясь этой паникой, генералъ Струковъ и подполковникъ Алексѣевъ поскакали къ станціи, завладѣли телеграфомъ и перерѣзали всѣ сообщенія между Адріанополемъ и Филиппополемъ. Вся корреспонденія и бумаги попали въ ихъ руки, изъ коихъ они узнали, что 29 экстренныхъ поѣздовъ было отправлено изъ Ямболи въ Филиппополь, что Сулейманъ перевезъ на нихъ болѣе 30,000 человѣкъ, и что послѣдній эшалонъ вмѣстѣ съ Сулейманомъ прошелъ черезъ Терново 24 Декабря. Въ другой захваченной депешѣ было приказаніе начальнику движенія послать весь подвижной составъ для перевозки войскъ изъ Филиппополя въ Адріанополь. Эта телеграмма осталась безъ послѣдствій, такъ какъ ст. Терново попала въ наши руки, и только, узнавъ объ этомъ, Сулейманъ

рѣшился на сраженіе, результатомъ котораго было его бѣдственное отступленіе на Станимаки.

Вечеромъ генералъ Струковъ перевелъ эскадронъ на правый берегъ Марицы и, выставивъ аванпосты къ сторонѣ Германлы и Филиппопольскаго шоссе, принялъ всѣ мѣры для защиты моста на случай ночнаго нападенія, такъ какъ трудно было вѣрить, чтобы турки, какова бы ни была ихъ паника, могли такъ легко оставить такой важный стратегическій пунктъ. Овладѣніе Терновымъ позволяло нашей арміи безпрепятственно двигаться на Адріанополь, отрѣзывало отступленіе арміи Сулеймана и лишало его всякого сообщенія съ Константинополемъ. Но ночь прошла спокойно, и 4 Января прибылъ изъ Эски-Загры посланный генераломъ Скобелевымъ 2-мъ пѣхотный батальонъ. Тогда генералъ Струковъ снова двинулъ впередъ свою конницу и бросилъ далеко въ глубь страны отдѣльные отряды для распространенія повсюду возможно большей паники. Одинъ изъ нихъ въ составѣ эскадрона подъ командою маіора Чулкова,

освѣтилъ шоссе между Хаскіой и Германлы, спустившись на насыпь желѣзной дороги, перешелъ мостъ, завладѣлъ станціей, телеграфическимъ аппаратомъ и всѣми бумагами. Чулковъ хотѣлъ уже вернуться въ Терново, когда громадный пожаръ охватилъ мостъ, отрѣзывая ему отступленіе. Передъ деревней Германлы, гдѣ застрялъ турецкій обозъ съ пѣхотнымъ прикрытіемъ, былъ еще мостъ; оставалось пройти по нему. Въ деревнѣ ихъ не безпокоили, но мостъ оказался баррикадированнымъ телегами и стадомъ быковъ, привязанныхъ одинъ къ другому хвостами и рогами.

За этимъ живымъ прикрытіемъ засѣли турки и открыли бѣглый огонь по нашимъ неустрашимымъ всадникамъ, которые, спѣшившись, засѣли за ближайшими къ мѣсту домами, и началась настоящая дуэль на ружьяхъ. Положеніе эскадрона становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Между тѣмъ въ часъ ночи прибыли въ Германлы съ экстреннымъ поѣздомъ—въ вагонѣ-салонѣ Намыкъ и Серверъ-паша, направлявшіеся въ Казанлыкъ къ Ве-

ликому Князю съ просьбой о перемиріи. Поѣздъ былъ остановленъ на станціи вслѣдствіе пожара на мосту. Трескъ ружейной перестрѣлки разбудилъ пашей. „Неужели русскіе уже здѣсь?“ задавали себѣ вопросъ обезкураженные турки. Они не вѣрили своимъ ушамъ и, когда узнали что въ деревнѣ идетъ бой, тотчасъ послали адъютанта остановить схватку.

Но пашъ маіоръ не внялъ его мольбамъ, ссылаясь на то, что не имѣлъ никакихъ инструкцій на этотъ непредвидѣнный случай, и что, разъ начавши бой, нужно довести его до конца. Паши разбирали еще дѣло на станціи, когда подкрѣпленіе въ лицѣ подполковника Алексѣева съ 1-мъ эскадрономъ Московскихъ драгунъ ураганомъ принеслось на мѣсто схватки взяло турокъ въ тылъ и въ рукопашную очистило путь по мосту. Слыша съ другаго берега „ура“ товарищей съ отчаянными воплями турокъ, драгуны Чулкова бросились впередъ въ штыки и перебили оставшихся турокъ. Болгары въ свою очередь бросились на бѣгущихъ и во время этой ночной бойни проявили

невѣроятное звѣрство. Наши драгуны употребили всѣ усилія, чтобы спасти женщинъ и дѣтей, но это трудно, почти невозможно было сдѣлать ночью, такъ какъ храбрыя мусульманки защищались съ геройскимъ мужествомъ, стрѣляя съ возовъ въ драгунъ, и не одинъ изъ нихъ палъ подъ ударами ихъ ятагановъ. На другое утро паши, отправившіеся въ каретѣ къ Тернову, могли обозрѣть слѣды жестокой ночной свалки. Генералъ Струковъ принялъ ихъ съ рыцарской вѣжливостью и, выстроивъ драгунъ по сторонамъ шоссе, приказалъ отдать честь турецкимъ генераламъ, что очень поразило послѣднихъ, не ожидавшихъ такого почета. Еще болѣе удивило пашей присутствіе нашей пѣхоты и артиллеріи.

Кавасъ Великаго Князя Николая Николаевича, служившій переводчикомъ Струкову, разсказывалъ потомъ, что, когда они проѣзжали мимо нашихъ войскъ, секретарь Сервера-паши спросилъ у своего генерала, неужели это авангардъ русской арміи; тотъ шепнулъ ему на ухо: „Да, кто бы могъ подумать! Какіе солдаты! Крылья у нихъ, что ли?“

Генералъ Струковъ задержалъ поѣздъ, привезшій нашей, въ Германлы, боясь, чтобы черезъ кондукторовъ не узнали въ Адріанополѣ о слабости его отряда.

6 Января Петербургскій уланскій полкъ подкрѣпилъ отрядъ генерала Струкова, и того же числа 4-й эскадронъ Московскихъ драгунъ овладѣлъ городомъ Мустафой-пашой послѣ ночной свалки съ иррегулярными турецкими войсками.

7 Января генералъ Струковъ съ девятью эскадронами выступилъ изъ Германлы къ Мустафѣ-пашѣ. Башибузуки, черкесы, которыхъ онъ гналъ передъ собой, возвѣщали повсюду его появленіе; населеніе бѣжало, увлекая съ собой турецкія власти. Чиновники блистательной Порты бросали свои конаки, поджигали правительственныя учрежденія, увозили архивы и спасались въ Константинополь.

Но тѣмъ не менѣе генералъ Струковъ не былъ спокоенъ, все время чувствуя на своемъ лѣвомъ флангѣ присутствіе большаго непріятельскаго отряда. Дѣйствительно Керимъ-паша шелъ почти параллельно съ нимъ по плохой, покрытой невылазной грязью дорогѣ и стре-

мился достичь Адріанополя раньше генерала Струкова, гдѣ и засѣсть за укрѣпленіями. Каждая минута была дорога, и все зависѣло отъ того, кто раньше придетъ.

Струковъ двигался безъ большихъ остановокъ, едва давая время выѣсть кормъ лошадямъ и отдохнуть людямъ.

Адріанополь занимали 6000 низама и 60 тяжелыхъ орудій. У Струкова не было ни одного, и отрядъ его былъ въ 80 верстахъ отъ авангарда Скобелева. При этихъ условіяхъ немыслимо было занять городъ съ 120,000 населеніемъ, вторую столицу государства и, можетъ быть, послѣднюю опору для сопротивленія врагу. Могъ ли генералъ взять на себя отвѣтственность въ такомъ предпріятіи?

А между тѣмъ Керимъ все подвигался и, того гляди, усилилъ бы гарнизонъ; надо было, во что бы то ни стало, предупредить его. Струковъ остановилъ свой отрядъ, убѣдился, что находится всего въ 30 верстахъ отъ города и съ минуту колебался, что предпринять. Но это продолжалось лишь мгновеніе. „Перекрестимся и впередъ!“, скомандовалъ онъ. Его смѣлость

и неустрашимость не были одни только залогами успѣха. Передъ нимъ шествовалъ еще одинъ могущественный союзникъ: паника, страшный призракъ съ распростертыми крылами порождаемый его отвагой, и поражалъ ужасомъ враговъ!

На горизонтѣ вдругъ появилось зарево, и раздался грохотъ сильнаго взрыва: это старый Адріанопольскій сераль взлетѣлъ на воздухъ. Въ эту минуту разъѣзды привели пятерыхъ плѣнныхъ.

Кто вы такіе? спросилъ генералъ.

— Депутаты изъ Адріанополя.

— Куда вы шли?

— Къ вамъ на встрѣчу, чтобы просить поторопиться занять городъ и тѣмъ предотвратить грабежи и насилія.

— А ваши 6000 низама, ваши пушки, наши?!!

— Бѣжали въ Константинополь!

Струковъ былъ пораженъ: неужели возможно безъ боя занять городъ!

Мыслимо ли, чтобы турки покинули такой большой городъ съ прекрасной артиллеріей,

32 фортами и громаднымъ количествомъ боевыкъ и жизненныхъ припасовъ.

А Керимъ-паша?

Но онъ навѣрно двинулся также на Константинополь, узнавъ объ оставленіи Адріанополя.

Нужно было торопиться. Генералъ приказалъ части отряда прикрыть тылъ и войти въ связь съ авангардомъ генерала Скобелева и, взявъ съ собой делегатовъ, на большихъ рысяхъ двинулся къ Адріанополю.

Въ пяти верстахъ отъ него отрядъ встрѣтилъ линію грозныхъ укрѣпленій, окружавшихъ городъ и остановился. Делегаты были посланы съ приглашеніемъ къ гражданамъ выйти на встрѣчу отряду съ хлѣбомъ-солью.

Делегаты отправились, а драгуны слѣзли и отпустили подпруги. Въ редутахъ было пусто, и глубокая тишина царила на батареяхъ. Дѣйствительно весь гарнизонъ выѣхалъ наканунѣ 7 Января на многихъ поѣздахъ съ Ахметъ-Эюбомъ-пашой по направленію къ Чамелджи, но въ Адріанополѣ кишѣли шайки баши-бузуковъ и черкесовъ, которые давно выжидали

случая ограбить. Послѣ двухъ часоваго ожиданія тысячи народа явились на встрѣчу генералу Струкову, цѣлуя ему руки и колѣна. Тогда онъ взъѣхалъ на командующую надъ городомъ высоту, и здѣсь ему былъ вручен ключъ отъ города, принесенный процессіей съ хоругвями, крестами и образами. Вслѣдъ затѣмъ Струковъ въѣхалъ въ городъ съ конвоемъ, дабы успокоить жителей своимъ появленіемъ.

Вотъ какимъ образомъ былъ взятъ Адріанополь. Предупрежденный о его занятіи, генералъ Скобелевъ воспользовался поѣздомъ, задержаннымъ въ Германлы, посадилъ на него пѣхоту, которая прибыла къ Струкову 9 Января, а на другой день вступила наша бригада.

ГЛАВА XII.

На берегахъ Мраморнаго моря.

Родосто.

Январь, 1878 года.

Представьте себѣ бѣднаго гусара, промоченнаго до костей безпрерывнымъ трехдневнымъ дождемъ, преслѣдующимъ его повсюду: изъ Адріанополя въ Кулали, оттуда въ Преболи, изъ Преболи въ Карахиль. Съ ранняго утра мы верхомъ; на завтракъ—кружка раки, на ужинъ—плохой сухарь; ночи проводимъ, то въ гаремахъ среди деревенскихъ одалисокъ, то въ разграбленныхъ домахъ съ заваленными трупами входами. Торжествуя побѣду, мы все реки несемся впередъ, и только Мраморное тамо кладетъ предѣлъ нашему наступленію.

Наконецъ то завоевана Турція! Давно пора, такъ какъ мы совершенно обезсилены. Люди еще могутъ выдерживать, но лошади совсѣмъ измучены. Я съ трудомъ тащилъ свою за узду по плохо мощенымъ улицамъ Родосто. Видно, нельзя безнаказанно попасть верхомъ изъ Варшавы къ Мраморному морю.

Я отдыхаю въ „силлогосѣ“, греческомъ клубѣ: громадная зала съ отворенною настежъ балконною дверью и восемью большими окнами, открывающими видъ на море. Передо мной безконечный горизонтъ, вправо островъ Мармора, а на взморьѣ большія суда подъ англійскими флагами, наполненныя турками и черкесами, спасающимися въ Малую Азію.

Солнце меня ослѣпляетъ и, глядя на развертывающуюся передо мной панораму, я спрашиваю себя, не во снѣ ли все это вижу: гдѣ ледяныя и снѣжныя горы, ужасныя груды труповъ, логовища, укрывавшія насъ отъ непогоды. Здѣсь мы окружены друзьями. Русскій вице-консулъ,— Французскій консулъ, греческое и армянское духовенство встрѣтили насъ у городскихъ воротъ, горячо привѣтствуя ча-

стью на непонятномъ намъ языкѣ. Все христіанское населеніе высыпало къ намъ на встрѣчу, оглашая воздухъ громкимъ „ура“ и привѣтствуя, какъ освободителей.

Наконецъ то мы узнали, что перемиріе заключено. Одна только черная точка на горизонтѣ: вѣроломный Альбіонъ, завидуя нашимъ успѣхомъ и, боясь, чтобы мы не заняли Константинополя, грозитъ войной!

3 Февраля,

Храбрые солдаты генерала Гурко, сдѣлались мирными рыболовами, подцѣпляя на уду, большею частью, увы, — только затонувшихъ буйволовъ и барановъ,—печальные слѣды поспѣшнаго бѣгства черкесовъ, которыя по словамъ жителей еще наканунѣ нашего прибытія наводняли городъ въ количествѣ 1000 и приводили всѣхъ въ трепетъ.

— Только при вашемъ приближеніи они исчезли! увѣрялъ меня мой новый другъ Александро, грекъ безъ опредѣленныхъ занятій, прогорѣвшій фабрикантъ папиросъ для одалисокъ Султана. Тѣмъ не менѣе нѣсколько разбойни-

ковъ еще прячутся въ городѣ и тоже занимаются рыбной ловлей, дабы отвлечь наше вниманіе, не имѣя возможности грабить и воровать.

Слово „черкесъ“ здѣсь наводитъ ужасъ: матери пугаютъ имъ дѣтей; молодыя дѣвушки дрожатъ, слыша его, равно какъ и трусоватые друзья наши въ родѣ моего друга Александро, говорящіе о нихъ вполголоса и увѣряющіе, что чувствуютъ себя гораздо лучше подъ эгидой принца Альберта Альтенбургскаго, коменданта города, чѣмъ подъ властью падишаха. Эксъ-фабрикантъ дамскихъ папиросъ говоритъ восточнымъ французскимъ языкомъ и корчитъ изъ себя знатока въ разстояніяхъ и мѣстности, когда я беру его гулять.

— Сколько нужно времени, Александро, чтобы дойти отсюда до Чифлика? *)

— Avec pied, avec cheval, ou avec asseoir? спрашиваетъ онъ неизбѣжно передъ тѣмъ, чтобы отвѣчать.

Впрочемъ нашъ вице консулъ Критикосъ ни въ чемъ не уступаетъ ему въ знаніи этого

*) Турецкая ферма.

языка: разъ онъ пригласилъ насъ обѣдать— avec la cousine ottomane; мы отправились въ надеждѣ покорить сердце прелестной незнакомки, но за столомъ ея не было. О розочарованіе! оказалось, что приглашеніе означало: avec la cuisine ottomane.

Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Родосто, городъ превратился въ настоящую ярмарку: повсюду рестораны, кофейни, балаганы, хорошенькія женщины, турки, турецкій табакъ, розовое масло, ковры, бирюза, и все это à vendre et à acheter. Но въ то же время красавицы „невѣрныя“ оказываются изъ Марселя, розовое масло изъ Италіи, все остальное можетъ быть хоть изъ Москвы, такъ какъ, кажется, у турокъ нѣтъ ничего своего кромѣ минаретовъ.

19 Февраля 1878 года.

Наконецъ оливковыя вѣтви были присланы намъ по телеграфу изъ Санъ Стефано—вѣтви мира, такъ долго оспариваемаго у дипломатовъ Ильдизъ Кіоска и у Индѣйской императрицы. Я сбросилъ свои воинскіе доспѣхи,

облекся въ прекрасный сюртукъ—произведеніе Аристидоса Папандопуло—перваго здѣшняго портнаго и, надѣвъ феску, жду отхода парохода въ Константинополь, куда отправляюсь поклониться Святой Софіи.

КОНЕЦЪ.

Гос. Историч. научн. Б-ка
Инвент. №
193 г.

Цѣна 1 рубль.